

**ЛЕОНИД
КРАВЧЕНКО**

**Лебединая
песня
ГКЧП**

Леонид Петрович Кравченко
Лебединая песня ГКЧП
Серия «Суд истории»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6373201
Лебединая песня ГКЧП./Кравченко Л.П.: Алгоритм; Москва; 2010
ISBN 978-5-6994-1142-9

Аннотация

Ровно двадцать пять лет назад в СССР началась перестройка. Она привела к таким катастрофическим последствиям, которых не могли вызвать ни мировые войны, ни революции. Советский Союз был взорван изнутри небольшой группой влиятельных лидеров партии и государства; подобного преступления еще не знала история.

Автор настоящей книги Леонид Кравченко, легенда отечественной журналистики, в 1991-м руководитель Гостелерадио СССР, был тогда в самом эпицентре событий, связанных с ГКЧП, свидетелем бесконечных предательств – людей и идей. Показывая перестройку как акт государственной измены, он приводит в доказательство многие малоизвестные факты деятельности руководителей партии и государства, возглавляемых Горбачевым.

Содержание

О времена, о нравы!	4
Глава I	7
Глава II	13
Глава III	18
Глава IV	22
Глава V	25
Глава VI	30
Глава VII	33
Глава VIII	37
Глава IX	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Леонид Петрович Кравченко

Лебединая песня ГКЧП

О времена, о нравы! Вместо предисловия

Среди неисчислимого обилия мемуарной литературы, посвященной перипетиям перестроечных лет, воспоминания Леонида Кравченко занимают место особое. И не потому, что насыщены уникальными, не известными доселе широкому читателю подробностями вершущейся борьбы за власть. В соревнованиях по части сенсационности трудно определить лидера, к тому же Кравченко изначально отказался от участия в них, и самые поразительные, самые интригующие факты предлагает читателю без пережима, без нагнетания эмоций – как бы между делом, спокойно собирая крупинки истории. Особость, я бы даже сказал, исключительность его книги заключается в другом – в том, что автор, повествуя о событиях почти четвертьвековой давности, на самом-то деле бьет в самую болевую точку наших, сегодняшних дней.

Нет, он не сопоставляет, не сравнивает, он размышляет только о прошлом. Но то, о чем он пишет, заставляет сопоставлять и сравнивать читателя – сравнивать нынешний день с прошедшим, и потому мемуары Кравченко, по сути, представляют собой архисовременную книгу.

Леонид Петрович Кравченко в годы перестройки возглавлял Гостелерадио СССР, и значительная часть его воспоминаний посвящена телевидению того периода. А если добавить к тому, что именно Кравченко пригласил на ТВ многих нынешних «королей эфира», если учесть, что сегодня в телевизионном сообществе, да и в обществе в целом, устойчиво возобладали мнение о том, что перестроечный период был временем расцвета демократии в СМИ, и в частности на ТВ, то нетрудно понять: припоминая минувшее, бывшее, Кравченко, возможно, помимо своей воли, очень метко целит в настоящее.

А вообще-то читать его книгу хотя очень интересно, однако тяжело и даже страшно. Какие все-таки жуткие были времена! Как нахраписто, нагло, презирая все нормы приличия, рвалась к власти ельцинская когорта – под флагом демократии! «Демороссы» (теперь это слово уже позабылось, новые поколения его и не слышали, а в годы перестройки «демороссами» называли радикальных приверженцев движения «Демократическая Россия» – демократическая!) не только устраивали руководителю телевидения Леониду Кравченко бойкот, добиваясь его отставки, но и угрожали ему, его семье физической расправой. Это не домыслы, не предположения, это данные службы безопасности, которая вынуждена была взять председателя Гостелерадио под спецохрану: шестеро вооруженных офицеров денно и ночью оберегали Леонида Петровича и его жену от покушения.

О времена, о нравы! И такое творилось, повторю, под флагом демократии!

Но еще страшнее то, что со страниц книги Леонида Кравченко дыбом, неизреченным воплем – опять-таки помимо желания автора, не нагнетающего страсти, – встает такая отвратительная, но, увы, родовая черта перестроечной эпохи, как предательство. Предательство не только из политических соображений, но зачастую и библейское – за «тридцать сребренников»: ведь речь шла о невиданном и стремительном обогащении, до чести ли тут? А если учесть, что большинство персонажей книги, ее, так сказать, действующих лиц остаются на телевидении и сегодня... Нет, не припомню я мемуаров, которые самой сутью своей были

бы так тесно, нерасторжимо связаны с нынешним днем. В этом и есть исключительность, особость книги Леонида Кравченко.

С самого начала перестройки Горбачев рассматривал телевидение как важнейшее, решающее средство влияния на общественные настроения, как мощный рычаг реформирования страны. Внимание партийной верхушки к телевидению было огромным, вокруг него шла острейшая борьба, цели которой были ясны: какая из политических сил – горбачевская или ельцинская – захватит телевидение. Впрочем, такой подход вполне естественен, закономерен, так было всегда, так и сегодня продолжается, хотя в иных формах. Но перестроечные годы круто отличаются тем, что борьба за ТВ шла под издевательски демагогическим лозунгом «СМИ – зеркало жизни!». Причем тезис о «зеркале» выдвинул и назойливо продвигал небезызвестный главный архитектор перестройки, на которого в то время буквально молились радикалы и чье имя сегодня не принято упоминать даже в среде его бывших сподвижников и горячих поклонников. И это торопливое забвение – словно отголосок перестроечной эпохи предательства, которая в полный рост встает со страниц книги Леонида Кравченко.

Эти бесконечные предательства – и людей и идей! – привели к тому, что славное слово «демократ» в народе теперь воспринимают с неким негативным «ароматическим» оттенком. А ведь и в годы перестройки были настоящие, истинные демократы. Леонид Кравченко, конечно же, из их числа. Это при его непосредственном участии на телевидении родились известные передачи «Взгляд», «До и после полуночи», «Телеутро», которые, по сути, открыли эпоху принципиально нового бесцензурного ТВ. При Кравченко часы прямого эфира увеличились в двадцать(!) раз. Именно Кравченко впервые организовал ныне знаменитый конкурс песни в Юрмале... Профессионализм и порядочность – это хорошо знакомое мне по личному общению с Леонидом Петровичем его жизненное кредо стало девизом «его» телевидения, воплотив крылатое крыловское напутствие: «Чтоб не ослабить дух и не испортить нравы».

Почему же против истинно демократического руководителя ТВ на завершающем этапе перестройки была развязана оголтелая травля? Почему появилось письмо за подписью известных деятелей культуры, требовавших убрать Кравченко с телевидения? Почему ни один – да, ни один! – из тех, кого Леонид Петрович, как говорится, самолично привел на ТВ, не только не выступил в его защиту, но наоборот, все они приняли участие в этой травле? Почему после событий августа 1991 года кто-то сорвал с двери его кабинета официальную табличку и прикрепил вместо нее бумажку с надписью «государственный преступник»? Что же это было за время? Что же случилось в это время с людьми?.. Какой-то особый, говоря словами Леонида Леонова, «сезон жизни»... Ведь именно Кравченко, глубоко понимая ситуацию в стране, накануне первых независимых российских выборов смело, на свой страх и риск подписал тайный – тайный! – приказ о передаче Второго телеканала России (свой канал ельцинские назначенцы подготовить еще не успели). Наконец, именно Кравченко в трагические дни августа 1991-го предоставил эфир критикам ГКЧП. Почему же нынешние «короли эфира», выросшие под опекой Леонида Петровича, действовали по принципу «Ты нас породил, мы тебя и убьем!», а сегодня напрочь позабыли о человеке, который дал им телевизионную жизнь?

Сам Леонид Петрович, предельно совестливый и порядочный (именно о таких людях сказал когда-то Константин Леонтьев: «Не гнут ни помыслов, ни шеи»), в своей книге не задает эти колкие, неприятные вопросы. Но они сами собой возникают у читателей, позволяя им лучше понять сегодняшний день нашего телевидения.

Да, необычная это книга. Очень интересная для чтения, но многопечальная, отяжеляющая душу грузом понимания того, через какую моральную грязь, до конца не очищенную поныне, довелось пройти стране на переломе эпох. Это книга о чести и... несправедливости. И хотя нет в ней упреков в чей бы то ни было адрес, но воспоминания Леонида

Кравченко словно обнажают неприглядный проволочный каркас с виду благопристойных гипсовых фигур всех видов власти – от первой до четвертой – и, конечно, отразятся на исторической репутации многих нынешних теледеятелей.

И еще, верю я, наступит время, когда такими людьми, как Леонид Петрович Кравченко, истинными, а не подложными демократами, Россия будет гордиться.

Анатолий Салуцкий

Глава I

Материнское напутствие: живи и пиши, сынок, по совести

Боль... Глубокая душевная боль от горестных воспоминаний вот уже более двадцати лет не оставляет меня. Воспаленная память будоражит событиями «великой горбачевской перестройки», которая вошла в мировую историю как эпоха гласности и демократизации. Тогда она подняла нашу страну и ее лидера Михаила Горбачева на такую высоту популярности и мировой известности, что все мы испытывали какой-то необычайный душевный подъем. В восторге самоупоения от того, что отныне можем обо всем говорить смело, открыто, ничего не опасаясь, мы впали в какой-то момент в состояние общенационального опьянения.

Этой эйфории открытости невероятно способствовало телевидение. Неожиданно популярными стали новые телепрограммы – «телемости», когда в прямом эфире целые аудитории наших и зарубежных сограждан обсуждали вместе самые «закрытые» в недавнем времени политические и бытовые темы. Когда идолами молодежи вдруг стали программы «Взгляд», «До и после полуночи», «12-й этаж», «До 16 и старше». В прямой эфир вернулся закрытый ранее «КВН» с популярным и вечно молодым Сашей Масляковым. Всех будоражила коротенькая, но очень смелая сатирическая передача «Прожектор перестройки». Популярную молодежную конкурсную программу «А ну-ка, девушки» сменила мужская «А ну-ка, парни». Еще более изобретательной становилась телевикторина эрудитов «Что, где, когда».

В открытом эфире шли литературные вечера с выдающимися поэтами. Перед десятками миллионов людей отчитывались в прямом эфире министры о своей работе, каялись в ошибках. Музыкальные и сатирические конкурсы заполнили эфир. А какая-то совсем неожиданная передача «Играй, гармонь» переросла во всероссийское движение, причем такого размаха, что гармонь стала великим дефицитом. Пришлось спешно строить несколько фабрик для производства гармоней.

А еще появились в прямом телеэфире утренние информационно-развлекательные молодежные каналы. И на радио возник трехчасовой открытый молодежный канал с острыми дискуссиями и популярной эстрадной музыкой.

Стремительно росли тиражи газет и толстых литературно-художественных журналов. Все соревновались в смелости и независимости суждений. Большинство кинулось открывать «белые пятна» истории, да так бойко, что сама история все более становилась неузнаваемой. Темой номер один стало разоблачение сталинизма с его репрессивным аппаратом ГУЛАГов, унесших жизни миллионов безвинно убиенных. Появились новомодные писатели-публицисты, которые, по сути, стали переписывать историю Великой Отечественной войны в самом мрачном цвете – как цепь ошибок Сталина и его полководцев. В целом в газетных и журнальных публикациях возник такой коктейль, такая гремучая смесь ошибок – экономических, политических, социальных, приписанных советскому времени, что в головах миллионов людей стремительно происходила переоценка всех и всяческих идеалов. Но волны демонических откровений продолжали накатывать...

Но вдруг в обществе напряглись другие силы, почувствовавшие себя оклеветанными, отверженными, как будто это не они одержали великую победу в борьбе с фашизмом, будто не они первыми запустили человека в космос, будто не они быстро восстановили разрушенное войной хозяйство и создали мощную оборонную индустрию, современную ракетную технику и даже выдерживали стратегический военный паритет в сопоставимых величинах

стран НАТО и советского блока. Да и жилья, причем бесплатного, мы вводили в три раза больше, чем сегодня.

И тогда открылось другое поле боя, поле политических сражений. А самое страшное – отрылся мощный фронт внутренних идеологических и политических противостояний в обществе, что придало дополнительное ускорение разрушительным силам.

Наступил страшный разлом, который развалил великое государство – Советский Союз. Мы его потеряли – на радость меньшинства населения СССР, на великую радость большинства западных стран и на горе россиян и всех близких нам народов, не сразу осознавших эту трагедию в геополитическом плане. Ведь рухнула великая империя, а вследствие этого возникла затем страшная разрушительная сила «цунами», которая затронет вся и всех и будет сотрясать многие страны мира, детонировать в политике, экономике, образе жизни, в культуре, образовании, нравственном укладе жизни, в национальных отношениях.

Разрушенный баланс сил вызовет планетарные сдвиги, новые войны, острейшие межнациональные конфликты. Сначала будет Карабах, потом чеченские войны и незатухающие конфликты на всем Северном Кавказе. Будет короткая, но кровопролитная война в Приднестровье... Будут страшные теракты с огромными человеческими жертвами в Буденновске, Беслане, Москве... Будут надругательства над могилами советских воинов в Прибалтике. Наступит трагедия расчлененной Югославии с воздушными сокрушительными бомбардировками Белграда и незаконным провозглашением Косова...

Дикий, но неизбежный поворот истории приведет к грузинской агрессии против народов Южной Осетии и Абхазии. А на стороне агрессора против российских освободителей, ее танкистов и летчиков, будут сражаться украинские наемные специалисты на бывшей советской технике.

Невозможно было представить себе даже в дурном сне еще 20 лет назад, что русские будут воевать с грузинами и украинцами. И что газовая война с Украиной станет перманентной. И что часть Украины захочет в НАТО, а на украинской земле национальными героями станут предатели гетман Мазепа и гитлеровский прихвостень Бандера, а украинский «голомор» объявят российским преступлением...

Боже, какой еще длинный перечень можно выстроить в этом «черном списке» противостояний между братскими славянскими народами, что порождено преступными ошибками зарвавшихся в националистическом угаре государственных деятелей, расколовших в Беловежской Пуще великую страну.

Осталось сказать теперь главные слова: *гибель СССР стала самым трагическим событием XX века, которое вызвало тектонические последствия для всего мира.*

Было разрушено некое равновесие сил. Мир вдруг стал однополярным. И плохо скрываемое ликование «победителей», царствующих в этом однополярном мире, тоже оказалось не столь продолжительным. Мир вздрогнул от страшного удара по небоскредам в Нью-Йорке. США увязли в бессмысленных разорительных войнах в Ираке и Афганистане. Кровавая бойня в Палестине – как еще один страшный незатухающий конфликт.

Неожиданно на этом фоне возвысился независимый голос Венесуэлы и Боливии. Набирают мировое влияние Бразилия, Индия. И всех удивит стремительное развитие КНР, где умная экономическая политика с эффективным участием государства творит чудеса. Государство выходит по своему могуществу на второе место в мире.

И вдруг в этой цепи противоречивых процессов грянул мировой экономический кризис. Он крепко тряхнул всех, и конечно Россию. И больно стало всему миру.

Разумеется, у каждого боль – своя. Есть и такие, кто ее не чувствовал и не чувствует. Но моя боль станет понятнее читателю, когда он пройдет вместе со мною по страницам этой книги, написанной предельно искренне и откровенно. Ведь история горбачевской перестройки, в которую волею судеб я был затянут в самое ее пекло, для меня – не случайность.

Это какая-то предрешенность, зов судьбы. Корни этого я нахожу в формировании моего характера деревенского мальчугана в семье сельских школьных учителей еще в предвоенное время.

Я родился тогда, когда мой отец, сельский учитель Кравченко Петр Павлович, будучи большим патриотом, отправился на войну с белофиннами. Его не призывали в армию, ушел добровольцем. Кроме фотографий и рассказов матери о его удивительной порядочности, я больше об отце ничего не знаю. После, в общем, бесславной той войны отец вскоре оказался на фронтах Великой Отечественной. По некоторым отрывочным сведениям, его вместе с другими попавшими в окружение под Одессой бойцами вывозили на кораблях в сторону Севастополя. Но немецкие самолеты после нескольких налетов разбомбили и утопили наши корабли. Больше об отце ничего не знаю, но вечно чту его память как человека, не только давшего мне жизнь и наполовину украинскую национальность, но и как мужественного бойца.

Мать, Вера Григорьевна, родившаяся на Брянщине, училась в одной школе и даже сидела за одной партией с будущим знаменитым писателем Николаем Грибачевым. 54 года она отработала сельской учительницей начальных классов – сначала в Брянской, а потом в Смоленской областях. Рядом с ней до конца дней своих был ее второй муж, тоже сельский учитель, директор школы Абинин Василий Михайлович. Когда-то вместе с отцом и матерью он заканчивал Новозыбковское педучилище на Брянщине, тоже фронтовик, был тяжело ранен и позднее фактически усыновил меня.

В 1956 году, благословляя меня поступать на факультет журналистики МГУ, он скажет мне: «Сынок, ты решился на отчаянный шаг – чуть ли не первым в Смоленской области идешь в МГУ, да еще на такой факультет. Мужайся!». Василий Михайлович подарил мне единственный свой выходной костюм, снял со своей руки часы «Победа» и добавил: «Будь победителем всегда. И главное – люби свою маленькую и большую Родину. Будь патриотом!».

Этому завету я остался верен навсегда, хотя временами мне это дорого обходилось.

Но память меня возвращает к сентябрю 1941 года, когда мне всего-то исполнилось чуть больше трех лет и четырех месяцев. Тогда в нашу маленькую брянскую деревушку пришли немцы. Несколько часов их обоз, запряженный тяжеловесными откормленными конями, занимал наше Закочье и большое село Красное. Немцы растащили стоявшие кругом стога сена, расставили себе палатки, а в дома приходили за молоком и яйцами. Бабка то и дело ругалась с ними, но поначалу они были незлобливы. Мать знала несколько немецких слов и как могла изъяснялась с ними.

Но Брянщина – край партизанский, и мне не дозволено было знать того, что в соседнем лесу, который начинался прямо от нашей деревеньки, уже создавался партизанский отряд.

Помню, однажды днем мать со старым дедом о чем-то шептались, а на ночь мы все легли спать на полу, одевшись. Меня даже обули в лапотки. А поздно ночью мы тихо вышли во двор, где стояла уже запряженная в подводу наша корова. На подводу сложили всякие мелкие пожитки, еду, и все тихо потянулись в лесочек...

Было бы странно ждать от меня партизанских воспоминаний. В калейдоскопе памяти остались люди с винтовками, перетянутыми через грудь патронажами. Куда-то они уходили, откуда-то иногда доносилась стрельба. Позднее я узнал о крупных операциях, в которых участвовали мои дядя и тетя. Это была сложнейшая операция, она даже вошла в историю Отечественной войны. Партизанам удалось взорвать «Синий мост» на железной дороге, которая шла недалеко от нашей деревни в сторону Сталинграда. Жертв было много, а моя тетя даже получила орден.

Главное – немцев выгнали из партизанской зоны. Позднее мне очень хотелось быть причастным к партизанским подвигам, приходилось фантазировать. Особенно когда после

войны переехали на родину отчима в Велижский район Смоленской области, где и началась моя учеба в Логовской семилетней школе.

Как партизанский ребенок, я без конца придумывал разные истории и даже «сообщал по секрету», как мы с тетей немецкий танк заминировали. На самом деле мои бои были местного значения и велись они с наглым... козлом. Он все таскался за мной, а однажды настолько обнаглел, что подцепил рогом за ремешок моей рубашки, да и забросил меня себе на спину.

Но временами действительно было страшно. Однажды мы гуляли с тетей вблизи лесочка, собирали землянику. И вдруг над нами появился немецкий легкомоторный самолет. Мы побежали, хотели спрятаться. Самолет – за нами и даже пострелял рядом. А потом мы кинулись к стогу сена, и тут немецкий летчик на бреющем махнул нам рукой и что-то сбросил в нашу сторону. Было страшно – вдруг взорвется. Тетя тихонько, выждав паузу, подошла к посылке с воздуха. Потом меня позвала. Оказывается, немец только пугал, а сам хороший гостинец сбросил – набор шоколадных конфет. Тетя Шура в сердцах скажет: «Всетаки не все у них сволочи!».

Послевоенная школа запечатлелась в моей памяти как ребячья коммуна. Время было такое голодное, что каждым кусочком хлеба, картошки, яйца – всем делились как могли. И учиться помогали друг другу, вытаскивали даже самых отстающих. Свою самостоятельность придумывали вместе с учителями. А мои родители и жили в этой школе – квартиры для приезжих не нашлось. Здесь и учили ребят. К шестому классу я даже какую-то пьесу написал, потом вторую. Вместе с учителями сыграли пьесу, тут уж, конечно, мои родители гордились моими первыми литературными опытами.

Удивительное необъяснимое явление для детей войны: никто нас особо не принуждал, но мы хорошо учились, очень полюбили свою библиотеку. Трое из нас – мои верные друзья – втянулись даже в игру, кто больше прочитает книг. Горжусь, что первой моей наградой в жизни была книга «Лучшему читателю Логовской сельской библиотеки». Эта книга – сборник произведений Аркадия Гайдара. Все рассказы и повесть «Тимур и его команда» оставались долго любимейшими. Быть мужественным, верным и чутким другом, прийти на помощь раненым, проявить милосердие к нуждающимся – вот какие нравственные уроки усваивал я у Аркадия Гайдара. Какое же глубокое потрясение я пережил много лет спустя, когда узнал о «подвигах» моего героя в далекой Хакасии. Там юный командир кавалерийского полка беспощадно пулеметными очередями косил и собственноручно рубил шашкой без всякого разбора людей – большей частью невинных! До сих пор я был глубоко убежден: человек нравственный не может быть подлецом и негодяем. Что человек совестливый, чистый душой, не может быть хладнокровным убийцей, безжалостной личностью. Оказывается, все это самое страшное – возможно! Вот такие совсем не детские вопросы угнетали меня долго, угнетают и по сей день.

Наступит в России в 1992 году страшная по своим последствиям разрушительная перестройка. За каких-то десять лет страна в своем экономическом развитии будет отброшена на десятилетия. А реформу затеют великие монетаристы во главе с внуком Аркадия Гайдара – другим безжалостным Гайдаром. Цены взлетят в тысячи раз, более 60 млн. россиян окажутся в нищете, миллионы детей – другого гайдаровского поколения станут бездомными, и на них уже не найдется ни Феликса Дзержинского, ни Антона Макаренко с их трудовыми колониями, чтобы броситься спасать выброшенную на улицу, в подворотни, в подвалы, на чердаки детвору. Неужели холодный экономический расчет Гайдара окажется генетическим кодом безжалостного красного конармейца? А ведь очень похоже!

Во время учебы в Велижской средней школе я снова стал лучшим читателем. Но уже районной библиотеки. Теперь в качестве награды я получил огромный том Диккенса «Холодный дом». Признаюсь, было очень трудно, но Диккенса я осилил. А спустя много

лет, когда меня, народного депутата СССР, заставят являться на бесконечные допросы по делу ГКЧП, я вспомнил на одном из допросов по странной ассоциации пленившие меня в детстве своей чистотой произведения Аркадия Гайдара и «Холодный дом» как возможный тюремный закуток, куда меня могли упечь современные «гайдаровцы», успевшие обворовать, обанкротить страну, присвоить себе через дикую приватизацию огромные природные ресурсы России и выбросить на обочину истории миллионы обездоленных людей, которым никакие «тимуровцы» помочь уже никак не могли.

Но все это будет потом. А в средней школе, пока несокрушимы были книжные и родительские идеалы, я готов был бороться с любой несправедливостью. Вот проходила зимняя школьная спартакиада, и всех ее участников позвали в райком комсомола, чтобы всем сразу вручить комсомольские билеты. А за что спрашивается – только за лыжный пробег? Ведь среди нас были совсем не достойные для комсомола школьники: плохо учились, некоторые хулиганили, обманывали учителей. Я возмутился и написал в областную молодежную газету письмо, что вот так легко обесценивается звание комсомольца и комсомольский билет. Письмо опубликовали. Большой шум был, а меня заметили и «наказали» тем, что избрали комсоргом школы и членом райкома комсомола. Почетно было. Но странно вышло. На практике ничего же не поменялось. Наступило тебе 14 лет – и айда в комсомол.

Когда шли последние экзамены и мы уже мечтали: кем стать в жизни, какую профессию выбрать, я опять угодил в историю. Поскольку учился с отличием, помог первым своим друзьям прочитать и исправить ошибки в их сочинениях. Они получают «пятерки». А вот проверить свое собственное сочинение по истории Второй мировой войны не успел. Доверился интуиции. Но два дня спустя меня пригласила на тайную беседу директор школы и очень деликатно попросила исправить ошибку в моем сочинении, где я неправильно написал знаменитую фамилию «Черчилль».

– Лёня, ты гордость нашей школы, ты явный золотой медалист, чемпион района по шахматам, пожалуйста, исправь своей рукой ошибочку. И школа наша будет в большом почете: комсорг школы – золотой медалист! Вот так сказала мне явно смущенная любимая моя математичка. И мне вдруг не себя стало жаль, а ее – заслуженную седую учительницу. И я не послушался, отказался.

В тот же день, вернувшись домой, в свое село, все рассказал своей маме, своей самой любимой учительнице признался во всем. Мать одобрила и сказала: «Обман все равно боком вылезет, а так, глядишь, ты по-честному поступишь. *Живи, сынок, всегда по совести. А если журналистом станешь, то и пиши тоже по совести*». Это было самое главное напутствие на всю мою жизнь.

А на факультет журналистики я все же поступил, и вот как вышло. Тогда без экзаменов поступали золотые медалисты. Но им предстояло проходить собеседование. А вот серебряные медалисты, как и я, сдавали по два экзамена. На собеседованиях царил бесконтрольный. Часть золотых медалистов «завалили», особенно деревенских. Я сдал на «отлично» оба экзамена и стал гордостью всего Велижского района. Ни до, ни после меня уже больше никто не поступил отсюда в МГУ.

Но зато я помню, и всю жизнь буду помнить замечательный лозунг первого декана факультета журналистики МГУ Евгения Худякова: «Газету надо делать чистыми руками». Усвоил эту истину, как и материнскую заповедь, на всю жизнь. А лозунг этот сегодня обрел сверхвысокую актуальность, когда коммерциализация целиком поглотила нашу журналистику.

В студенческие годы я опять оказался среди комсомольцев-максималистов, которые потребовали в письме в Министерство высшего образования провести реформу на факультете журналистики. Освободить нескольких бездарных преподавателей, ввести в учебный процесс стенографию, фотодело, начать издавать свою учебную газету. Мы тогда победили.

Нашим комсомольским вожаком был знаменитый Игорь Дедков, будущий блестящий журналист, публицист, литературный критик... На его место потом пришел на три года комсоргом факультета Леонид Кравченко.

Будучи комсоргом факультета, мне дважды посчастливилось быть комиссаром студенческих строительных отрядов. Вспоминаю всегда об этом с восторгом! Какая это была дружная студенческая семья. Ни одного скандала, ни одного конфликта. Тогда никто даже не задумывался, кто какой национальности. Правда, случались конфликты с местными работягами. Часть из них – в прошлом уголовники, вышли из мест заключения и теперь на хлебных токах нами командовали. Но, поближе присмотревшись, мы выяснили, что по ночам хлеб с токов в мешках куда-то тайком увозили. Вместе с двумя боевыми хлопцами я спрятался однажды среди мешков, и мы всю ночь куда-то ехали. Так удалось выяснить, что хлеб воруют, тайно увозят и продают «левым путем».

Мы подключили милицию, и в итоге удалось разоблачить группу уголовников. Конечно, о нашем «подвиге» написали в газетах, а в студенческой газете МГУ даже появился очерк «Наш Ленья». Это обо мне, но мне так было неловко и стыдно за этот очерк, где все преувеличивалось до небес, что я попал на насмешки ребят. До сих пор храню тот очерк как образец неумелой хвалебной журналистики, когда кажется, что лучше бы тебя критиковали, чем так хвалили!

И все же нас наградили медалями «За освоение целинных и залежных земель». А я на заработанные деньги впервые купил себе пальто, поскольку первые две зимы проходил в плаще – помочь мне было некому.

Все, что я успел сказать в своей вступительной главе к этой книге, вовсе не фрагменты моей биографии, а попытка объяснить, какие нравственные принципы я с детства и всю жизнь исповедовал и как сама жизнь обошлась со мною, с моими нравственными принципами и политическими убеждениями. Признаюсь: был бит больно и многократно. Хотя грех жаловаться, судьба моя в журналистике оказалась в чем-то уникальной, в чем-то неповторимой. И мне бы радоваться своей творческой биографии. Радоваться, но не могу. Да, мне посчастливилось руководить четырьмя популярными центральными газетами, в ранге министра руководить Телеграфным агентством Советского Союза (ТАСС), быть последним председателем Гостелерадио СССР, избираться народным депутатом СССР, стать членом Союза писателей России, академиком Евразийской телеакадемии, возглавлять Федерацию хоккея СССР, иметь много государственных наград – орденов и медалей, одну из которых очень ценю – «Медаль за спасение утопающих»...

И все-таки полной радости не испытываю от прожитой богатыми событиями жизни. Потому что меня по-прежнему мучает боль горбачевской перестройки, где я играл не последнюю скрипку и которая закончилась великим политическим и государственным разломом, повлекшим невосполнимую потерю великого государства.

Глава II

Телевидение подросткового периода

Хочу признаться: моя журналистская судьба как бы раздвоилась. Одна половина жизни отдана газетной работе, другая всецело посвящена телевидению. Но телевидение поглощает профессионала полностью, требует самопожертвования. И в этом я многократно убеждался, когда после семи лет работы в «Строительной газете» неожиданно оказался одним из руководителей московского телевидения.

Сама судьба распорядилась так, поскольку такому повороту предшествовала репортерская работа по освещению строительства нового Останкинского телецентра...

Так случилось, что в мае 1967 года меня неожиданно пригласил на беседу в Шаболовский телецентр знаменитый человек – Николай Петрович Мушников. Заочно я знал о нем как об организаторе первых телевизионных новостей на советском телевидении. Еще в 1956 году ему поручили создать редакцию «Последних известий». Ему же доверили в 1957 году освещать Московский международный молодежный фестиваль. Всего лишь с двумя передвижными телестанциями и относительно небольшой группой теле- и кинооператоров телевизионщики умудрялись творить чудеса. А еще раньше, в мае 1956 года, Николай Петрович Мушников сумел при той же скудной технике провести первую в нашей истории телевизионную трансляцию военного парада и демонстрации трудящихся на Красной площади. По тем временам это было фантастикой.

В конце 1960 года Николаю Петровичу доверили создать московский канал телевидения. Именно так называлось тогда творческое объединение «Главная редакция передач для Москвы». И вот 16 января 1961 года по Второму каналу вышел новый телевизионный выпуск «Московских новостей». Но работников у Николая Петровича катастрофически не хватало. И понадобилось новое решение. Тогдашний председатель Госкомитета по радиовещанию и телевидению Сергей Кафтанов дал особое поручение главному редактору общественно-политических программ Константину Степановичу Кузакову выделить из своих рядов группу квалифицированных журналистов для московской редакции.

Дело оказалось непростым. Лишних людей не было и у Константина Кузакова. К тому же Константин Степанович был человеком с тяжелым норовом – как у отца. А между тем отцом его был, страшно сказать, сам Иосиф Сталин. Кузаков был внебрачным сыном вождя, рожденным в сибирской ссылке. Это официально знали и в ЦК партии, где, кстати, ряд лет Константин Кузаков руководил даже идеологическим управлением. Сам он родством со Сталиным никогда не бравировал, но держался всегда с достоинством, а главное – отличался глубоким аналитическим умом, взвешенностью решений и твердым неуступчивым характером. Так что выпросить у него кадровые единицы для Мушникова было архисложно. Борьба шла за каждого человека. Но тут вмешался Московский горком партии, и Константину Кузакову пришлось примириться с потерей нескольких своих «бойцов».

Ядро московской редакции составили В. Козловский, позднее руководивший Главной редакцией литературно-драматических передач Центрального телевидения, В. Стрельников, А. Вороткова, Э. Свердлова – дочь Якова Свердлова, П. Доброхотов, Г. Боровик – будущая жена Генриха Боровика, И. Казакова – дочь советского посла, режиссеры Н. Колчицкая и Т. Кравченко. Люди, надо сказать, талантливые, они оставили яркий след в истории тележурналистики.

Руководителем же последних известий ЦТ, тут же переименованных в «Телевизионные новости», на I канале стал знаменитый Юрий Фокин, о котором разговор будет особый.

Итак, с легким трепетом я вошел в крошечный по размерам кабинет Николая Петровича Мушникова, пригласившего меня на смотрины. Взглянув на Николая Мушникова, я впал в смятение. Со мной мягко поздоровался человек с изувеченным тяжелым ранением лицом. На месте правой стороны черепа – огромная вмятина, глубоко запавший невидящий глаз. Он заметил мое смущение и легким жестом руки, указывая на лицо, смущенно заметил: «Страшный след войны». Но потом улыбнулся: «Правда, голова работает исправно, иногда лишь по погоде мучают боли...».

Уже через минуту смущение прошло. На меня смотрел доброжелательный человек, который не скрывал, что пристально изучает собеседника. Признался, что ему порекомендовали меня. С легкой, чуть ироничной улыбкой сказал: «Говорят, что вы молодой, но уже талантливый, работающий и надежный...».

Перед Николаем Мушниковым лежали вырезки моих публикаций из «Строительной газеты». «Вот внимательно ознакомился с некоторыми вашими статьями. Особо обратил внимание на репортажи по строительству Останкинского телецентра. Понравилось...».

После небольшой паузы спросил: «А вас не тянет на телевидение?». Я признался, что равнодушен к телевидению и даже успел два раза выступить на московском канале с рассказами о крупных новостройках.

– Знаю и об этом, – уточнил Мушников. – Но работа у нас адская – день и ночь и нередко без выходных. Не хватает кадров, но самое поганое – дефицит всего. Не хватает пленок, камер. Осветительной аппаратуры. Выкручиваемся за счет кинолюбителей, фотографов и устной оперативной информации. Так что к нам идти – как на добровольную каторгу...».

На первой же беседе Николай Петрович показал мне объемную картотеку, где выстроилась целая вереница карточек в алфавитном порядке.

– Это мой кадровый резерв. Вот и на вас личная карточка уже имеется. И он предъявил мне на картонном бланке мое коротенькое досье.

По всему чувствовалось, что Николай Петрович мне симпатизировал. И он предложил: «Давайте посмотрим редакцию». Рядом с его маленьким кабинетом было помещение, забитое столами. «Это служба новостей», – отрекомендовал он работников, едва вмещавшихся за столами. Потом отправились посмотреть маленькую монтажную и поднялись на второй этаж. Там кабинет был посolidнее, но за каждым из шести столов числилось по три-четыре «творца». Это был отдел тематических передач. Он выпускал уже ставшие популярными телеобозрения «Москва и москвичи», «Москва вчера, сегодня, завтра», сатирический тележурнал «Глаз за глаз...».

Потом Н. Мушников подвел меня к свободному столу и сказал: «А вот это стол моего первого заместителя. Присматривайтесь. Возможно, это будет ваш стол».

Беседа позже продолжилась. Мою кандидатуру утвердили на коллегии Госкомитета и в Московском горкоме партии. Так в июне 1967 года началась моя телевизионная биография.

К великому сожалению, мне не посчастливилось долго поработать вместе с Николаем Петровичем Мушниковым. Вскоре он тяжело заболел и через семь месяцев умер. Для всего телевидения и для меня лично это было тяжелейшей утратой. К тому же все тяготы руководства редакцией легли на мои плечи.

Такого адского творческого напряжения никогда не сваливалось на меня. Работал в каком-то угаре. И, тем не менее, это время до сих пор вспоминаю как великую школу телепознания, где всему пришлось быстро учиться: сценарному делу, режиссуре, монтажу, организации репетиций и даже неоднократно выступать в роли ведущего передач.

Во всех редакциях на Шаболовке теснотища была невероятная. Пройдет еще полтора года, и состоится великий переезд в Останкино. Но тогда, в 1967 году, телевизионщики сидели, как говорится, друг у друга на голове. На одну творческую группу приходился один стол. За ним сидел телевизионный редактор, а при нем еще значились режиссер, его асси-

стент, помощник и даже сценарист. Вместе собирались где придется: в коридорах, буфете, на дому, летом – в парках и т. д. Полностью редакцию можно было лицезреть лишь в дни зарплат.

Эта работа «на бегу», «на скаку» накладывала на готовящиеся передачи отпечаток поспешности торопливости. И, тем не менее, очень мало было среди нас равнодушных. Почти у каждого горели глаза, затевались бурные споры, дискуссии. Шел непрерывный поиск новых передач, новых форм, неожиданных телевизионных «ходов» и открытий.

Сегодняшние молодые режиссеры, их ассистенты, редакторы, репортеры, телеведущие, монтажеры и представить себе не смогут, что в те далекие годы не было, например, «синхронных камер». Нынешние «бетакамеры» и прочие репортерские камеры, которые не только снимают, но и одновременно пишут звук, нам тогда и не снились. Представьте себе: кто-то дает интервью, камера его снимает, а звук через микрофон пишется отдельно. При монтаже видеоряд и звуковая дорожка этого интервью совпадали не более чем на две минуты! Дальше синхронизация разрушалась, и артикуляция говорящего начинала не совпадать с видео. Поэтому съемку приходилось останавливать, делать монтажные «перебивки», чтобы снова на те же две минуты синхронизировать видеоряд и звук.

С ужасом вспоминаю монтажные столы, которые были изношены и оставляли царапины на видеопленке. Получался брак неисправимый, и, чтобы выдать передачу в эфир, руководители редакции писали рапортчики в телецентр о том, что брак они берут на себя. Технические службы телецентра таким вот образом сохраняли себе премии, перекладывая ответственность за плохое состояние техники, ее изношенность на плечи творческих работников.

Компьютерной техники не было и в помине, поэтому все титры, начиная от названия передачи и кончая фамилиями ее создателей, писались вручную художниками-текстовиками на планшетах. В студии на двух пюпитрах помощник режиссера выставлял в строгой последовательности эти титры, заставки и по команде в нужный момент ловко убирал их из эфира. Правда, не всегда удавалось сделать это быстро, и тогда телезрители неожиданно видели в эфире, как чья-то рука убирает на их глазах эти самые титры. А случалось и так, что в титрах художники делали орфографические ошибки, а еще хуже, когда в спешке помощники режиссеров выдавали титры, перевернутые «вверх ногами».

Все эти накладки были сплошь и рядом. Из-за недостатка пленки (она лимитировалась) часто прибегали к помощи фотографий. Фоторяд в передачах использовали так часто, что фото стало предметом искусства на телевидении. Телеоператоры в студии умудрялись путем отъезда, наезда, укрупнения, мягких, плавных переходов с одной фотографии на другую создавать маленькие шедевры фотоочерков на телевидении. Жаль, что сегодня этот прием используется редко.

Самый же большой недостаток того телевидения – отсутствие электронного монтажа. Склейки, к которым прибегали монтажеры, занимали много времени и снижали качество видеоряда. Эта техническая бедность, ограниченность изобразительных средств приводили к неожиданным, парадоксальным формам телепрограмм. Главное заключалось в том, что при отсутствии синхронных камер и электронного монтажа передачи, как правило, шли «живьем». Практически все общественно-политические передачи выходили прямо в эфир. Так называемые «разговорные» телепередачи составляли основу общественно-политического вещания.

Конечно, при этом допускались многочисленные накладки, всякого рода сюрпризы, которые так характерны для «живого», открытого телевидения. Но парадокс как раз заключался в том, что они создавали эффект доверия у телезрителей. Старшее поколение хорошо помнит живые выходы КВН, когда юморески, шутки, прибаутки, конкурсы хотя и сопровождались накладками, оговорками, но были в цене за свою открытость, непосредственность,

неприглаженность, за неповторимый «эффект присутствия» на событии в момент его свершения.

Однако случались и такие накладки, которые сплошь и рядом вели к разборкам на самом верху. Ведь «живые» политические передачи всегда чреватые неприятностями. А времена-то были суровыми, спрос и контроль – жесткими. Вот почему каждое утро на телевидении руководители редакций и технических служб собирались в кабинете заместителя председателя Комитета по радиовещанию и телевидению Георгия Александровича Иванова. На планерках он дотошно разбирался с каждой ошибкой (даже в титрах!), каждой накладкой. При этом был суров, но справедлив. Мне тоже не раз приходилось бывать в его «бане», но обид не осталось.

Без преувеличения скажу, что Георгий Александрович Иванов обладал незаурядными способностями организатора и высокой эрудицией. Во многом благодаря ему удалось в какие-то три года не только осуществить переезд основных творческих подразделений в Останкино, но и втрое увеличить объем вещания. Он стоял у истоков большинства новых циклов телепрограмм, фильмов, общественно-политических, литературных и музыкальных передач. В паре с другим крупным государственным деятелем тогдашним председателем Госкомитета Николаем Николаевичем Месяцевым они смогли осуществить много новаций.

Одним из крупнейших телевизионных проектов того времени станет историко-революционный документальный сериал «Летопись полувека». Его подготовка и показ были приурочены к 50-летию Октябрьской революции. Для создания каждого фильма были организованы творческие группы из числа лучших режиссеров, сценаристов, операторов, редакторов, авторитетных ученых, историков, консультировавших фильмы. Правительство своим решением выделило дополнительные средства, которые позволили закупить дополнительную телевизионную технику, оборудование, оплатить нелегкий творческий труд создателей уникального сериала. Убежден, «Летопись полувека» и сегодня остается ценным историческим документом своего времени.

В пятидесяти фильмах по каждому году давалась историко-философская трактовка событий. Главной ценностью фильмов были и остаются факты, хотя трактовка их временами была идеологизированной.

Сериал показывался по телевидению в течение восьми месяцев. Истинной правдой является то, что миллионы людей с огромным интересом смотрели эти фильмы, а многие телезрители оказывались героями этих фильмов. Я сам свидетельствую, что огромное число людей торопились с работы к началу очередной серии. Усаживались у экранов семьями, вместе с друзьями и с гордостью смотрели, какими были их деды, отцы и матери и как много им удалось совершить. В том числе одержать историческую победу над фашизмом, восстановить от разрухи в послевоенные годы города и поселки, фабрики и заводы, построить новые гигантские электростанции, металлургические заводы, современные химические производства, новые железнодорожные магистрали...

Первый показ первой серии «Летописи полувека» состоялся 21 апреля 1967 года. А через две недели – 8 мая по телевидению и радио прошла торжественная церемония зажжения Вечного огня славы на Могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Останки неизвестного солдата перевезли из района Дубосеково, где смертью храбрых пали 28 героев-панфиловцев.

Вот как вспоминает Николай Месяцев об этом поистине трогательном и горестном событии, когда на Могиле Неизвестного солдата в присутствии всего руководства страны и знаменитых военачальников вспыхнул Огонь вечной славы.

– Шел май. Александровский сад под кремлевскими стенами наливался сиреневым цветом, на земле полыхали ярко-красные, как кровь, тюльпаны, а над всей Москвой висел легкий, словно пух, туман, едва пробиваемый солнечными лучами.

Через считанные минуты скажет проникновенные слова памяти павших Николай Григорьевич Егорычев – фронтовик, первый секретарь Московского горкома партии мой сверстник и единомышленник, а за ним слова «Вечный огонь» повторят благодаря телевидению и радио Москва, вся страна – от западных ее границ до восточных.

Николай Егорычев, произнося слова прощания, говорил сквозь сдерживаемые рыдания. Плакал и я.

Глядел я сквозь чугунную ограду Александровского сада, через Манежную площадь – вверх на улицу Горького, к гостинице Москва, в сторону Большого театра – повсюду были люди, мои дорогие москвичи... У всех – слезы на глазах, слезы памяти горестных утрат в великой войне, где мы оказались победителями над хитрым, сильным врагом, над фашистской Германией.

Было тихо. Очень тихо... Тысячи людей ждали. Ждала вся многонациональная страна. Мы уже научились связывать воедино передачи телевидения и радио, синхронизировать их прямой выход в эфир. Часы отсчитывали последние секунды захоронения Неизвестного солдата. И вот вспыхнул Вечный Огонь на Могиле Неизвестного солдата.

Грянул орудийный салют. Потянуло запахом войны. Зазвенела медь оркестра...

Я подошел к Брежневу, попрощался с ним и другими товарищами, забрал у Егорычева текст его выступления и пошел через Красную площадь в Замоскворечье, на Пятницкую, в Госкомитет.

Бывают минуты, мгновения, когда в тебя вливаются такие силы, которые, думается, не израсходовать. Не истратить веки...

Глава III

Как создавалась «Минута молчания»

Но уже на следующий день ровно в 18.50 в эфир на телевидении и радио вышла знаменитая передача «Минута молчания», которая стала святым ритуалом в День Победы на вечные времена.

Но история создания этой поистине исторической передачи начиналась двумя годами раньше. Первой эта идея родилась у замечательной журналистки Ираны Казаковой, сподвижницы Николая Мушникова. Мы с нею знакомы и дружим уже более 40 лет.

А начиналось все так. В феврале 1965 года Ирану Дмитриевну пригласил к себе на разговор главный редактор редакции информации Центрального телевидения Николай Семенович Бирюков. Сославшись на руководство Госкомитета, он попросил: «Подумайте, чем нам ознаменовать 20-летие победы».

Дальше приведу слова воспоминаний самой Ираны Казаковой:

– Я принадлежу к типу журналистов, которым светлые идеи приходят во время хождения по длинным коридорам и формированию «вымученных» внутренних монологов. Новый кадровик, который часто видел меня в коридоре, предложил уволить за «безделие». Но идея пришла именно в момент такого безделия. Я села и быстро написала сценарий будущей передачи-ритуала «Минута молчания».

Николай Семенович одобрил идею и прямо с рукописным вариантом сценария помчался к председателю Комитета по радиовещанию и телевидению Николаю Николаевичу Месяцеву.

Буквально через несколько дней меня вызвал сам Николай Николаевич, и начался долгий, мучительно захватывающий процесс создания «Минуты молчания».

Вместе со Светланой Володиной, редактором будущей передачи, запершись дома, мы сочиняли текст телевизионного варианта передачи. Аркадий Ревенко, комментатор радио, трудился над текстом радиоварианта. Тогда еще никому в голову не пришло, что передача-ритуал должна быть единой и на радио, и на телевидении.

Когда первые наброски текстов были готовы, Николай Месяцев объявил нам, что отныне каждый рабочий день для создателей «Минуты молчания» будет начинаться в его кабинете. Ровно месяц изо дня в день в 9 утра мы уже оказывались в кабинете председателя Комитета. Николай Николаевич, как он любил говорить, «сам брал ручку в ручку» и писал текст, который рождался по слову, по запятой. Это было действительно так: «в грамм – добычи из тонны руды».

Часто к работе подключались члены коллегии Комитета. Хорошо помню подсказки первого зама председателя Энвера Назимовича Мамедова, еще одного зама Георгия Александровича Иванова.

Мучительные поиски каждой фразы, каждого слова продолжались. В те дни ни о чем другом не думали, ничем другим не занимались.

На радио готовилась фонограмма музыкального оформления ритуала. Режиссером радиопередачи стала Екатерина Тарханова, женщина редкостной человеческой красоты. Она, как эллинская богиня, если к чему-либо прикасалась, это сразу становилось значительным, талантливым, озаренным недюжинными способностями прекрасной женщины.

Встала задача: что делать с самой минутой молчания в эфире? На телевидении будет какое-то изображение. А на радио? Целая минута тишины в радиоэфире – дыра. Екатерина Тарханова с ее масштабом мышления и тонкостью воображения придумала в минуту мол-

чания в эфире воплести перезвон кремлевских колоколов, которые сохранились в запасниках Большого театра.

И не просто перезвон, а вызвененную на колоколах мелодию траурного марша «Вы жертвою пали». Партитура этого марша в исполнении на колоколах тоже была разыскана. Фонограмма складывалась как торжественная литургия.

Ждали текста. А он все выковывался. Страничка с литого слова. Это должна была быть молитва.

Наконец поставили точку и поняли: ни вставить, ни убрать из текста больше ничего нельзя.

Екатерина Тарханова, прочитав текст, долго сидела, опустив голову. Кому дать прочесть молитву? Дикторам, чей голос знаком каждому? Актрисе? Самая большая опасность сделать молитву театрализованной. Катя вышла в коридор и встретила Веру Енютину, диктора радио, чаще всего читавшую рекламу, которую у нас мало кто слушал. «Вера, – спросила Екатерина Тарханова, – ты можешь молиться?». «Не знаю, – ответила Енютина, – давай попробую». Они быстро зашли в студию. Вера склонилась над текстом и очень скоро дала знак, что готова. Записали первый дубль, второй, третий. Но лучше самой первой записи ничего уже не получилось. Его и стали накладывать на готовую фонограмму.

Сама «Минута молчания» открывалась великим голосом Юрия Левитана: «Слушайте Москву! Слушайте Москву!» – Тревожно-торжественные звуки метронома приковывали внимание. – «Слушайте Москву!» Из-под чеканки метронома выплывали тихие звуки «Грез» Шумана.

«Товарищи! – задушевно и трепетно произнесла первые слова Енютина – да так, что сердце упало. – Мы обращаемся к сердцу вашему. К памяти вашей. Нет семьи, которую не опалило бы военное горе...» Звучала молитва, и если человек шел, он останавливался, замирал и не мог оторваться от голоса молящейся. Мы сидели в аппаратной студии «Б» на Шаболовке: Светлана Володина, Николай Николаевич Месяцев и я. Еще не отзвучали последние аккорды передачи, как я услышала рядом с собой рыдания. Закрыв лицо платком, не стесняясь нас, плакал Николай Николаевич. Впервые в жизни я видела, чтобы зарыдал мужчина. И мы не скрывали своих заплаканных лиц. Это были святые слезы.

Мы поняли: радиовариант «Минуты молчания» готов. Лучшего нам не сделать. И, конечно, передача должна быть единой на радио и на телевидении. Теперь начиналось не менее трудное – сделать вариант телевизионный. Найти единственно верное и точное изображение под молитву. Что должно быть на экране в такой момент? Предстояла тьма не только творческой, но и технической работы. Редактор Светлана Володина, режиссер телевизионного варианта Наталья Левицкая, помощники режиссера не выходили из кинопроекторной. Искали изображение, отбирая документальные кинокадры войны. Решили дать самые сильные, самые трагические кадры, запечатленные фронтовыми кинооператорами. Горы пленок. Снова «грамм-добыча в тонне руды».

Наконец смонтировали 17 с половиной минут изображения – именно столько звучал радиоритуал «Минута молчания».

Стали соединять пленку и фонограмму. Ничего не получалось. Кинокадры шли отдельно. Молитва отдельно.

Наталье Левицкой пришла в голову идея пригласить актрису, по образу похожую на известный во время войны плакат «Родина-мать зовет». Пригласили актрису, одели во все черное. Как бы от Родины-матери. Она стала читать текст, но это был театр. Время шло, экран был пуст, придумать ничего не удавалось.

Вдруг в один из вечеров наших мук, когда Николай Николаевич Месяцев был на теле-студии, а мы обсуждали очередной вариант, он тихо сказал: «На экране должен быть только огонь, живой бьющийся огонь». Мы ахнули. Предложение было гениальным.

Все наши помыслы были уже об огне. Какой огонь? Вечного огня в 1965 году в Москве тогда не было. Где должен гореть этот огонь? Снимать ли его на пленку или это должен быть живой огонь в кадре? И тут посыпались предложения – одно смелее другого. Огонь решено было зажечь в студии. За работу взялись газовики, пожарные, декораторы, рабочие сцены. К черту полетели все правила противопожарной безопасности. Разрешали все – все службы телевидения. Стоило сказать: «Это для «Минуты молчания», как откликнулся каждый.

В главной студии телевидения на Шаболовке – студии «Б» – соорудили высокую стену. На экране она выглядела сложенной из массивных плит гранита. На стене выбили надпись – ПАМЯТИ ПАВШИХ. Около стены поставили гипсовую чашу, которая также смотрелась сделанной из гранита. К чаше подвели газовую горелку и зажгли огонь.

Начались бесконечные репетиции. Бьющийся во весь экран огонь производил неизгладимое впечатление. Работники телевидения, проходя мимо экрана, останавливались и зорко смотрели на живое пламя. Мы понимали, что точнее изображения не придумаешь, потому что именно огонь сосредотачивает на себе все мысли, полностью концентрируя внимание. Молитва и музыка сливались с огнем в волнующее до глубины души триединство.

Режиссер Наталья Левицкая на всякий случай сняла огонь на кинопленку, сделав кольцо из повторяющихся кадров. Она как в воду смотрела...

Близилось 9 мая 1965 года. Степень нашего волнения подходила к предельному градусу. Передача была объявлена на 18 часов 50 минут.

9 мая все приехали на студию задолго до начала. Режиссер проверяла и проверяла готовность. Такая ответственная передача шла в прямой эфир. К назначенному времени в студии собралось все руководство телевидения и члены коллегии Комитета по радиовещанию и телевидению. У пульта были режиссер, ассистент режиссера, Николай Николаевич Месяцев, редактор передачи и я как представитель авторского коллектива.

Наконец зазвучали позывные. Сердце билось где-то у горла. Ассистент по команде режиссера нажала кнопку, и раздался голос Левитана: «Слушайте Москву! Слушайте Москву!» В кадре появилась гранитная стена и крупно слова – ПАМЯТИ ПАВШИХ. С первых же звуков «Грез» Шумана в кадре во весь экран запылал огонь. Величественный и негасимый, он бился, как сердце, как сама жизнь. «Товарищи! Мы обращаемся к сердцу вашему, к памяти вашей...» Все замерли.

Мы не чувствовали времени, оно нам казалось вечностью. Шла молитва памяти павших в Великой Отечественной войне. И вдруг раздался истерический крик режиссера: «Кольцо!». Мгновенно заработала кинопроекторная камера. Случилось то, чего мы все больше всего боялись, – огонь в чаше стал угасать. В долю секунды режиссер заметила это и успела дать команду включить кинопленку. В кадре уже бился киноогонь. А в студии к чаше с огнем по-пластунски полз помощник режиссера, чтобы исправить случившуюся неполадку. Мы все вытянулись в сторону окна, отделяющего пульт от студии. «Спокойно, товарищи!» – сказал Месяцев. Огонь в чаше набирал силу. И вот снова включена студия. Молитва подходила к концу. Снова раздался голос Юрия Левитана: «Минута молчания». На пульте все окаменели. Из какой-то далекой глубины зазвучали колокола: «Вы жертвою пали в борьбе роковой»... И снова мертвая тишина. Только мощные фортепианные аккорды останавливали эту торжественно-траурную минуту. Дальше зазвучала музыка Чайковского, Баха, Рахманинова, а мы все не отрывались от огня, каждый уже думая о своем, о своих погибших, о страшных пережитых годах и о Дне Победы двадцать лет назад.

Передача закончилась. Все молчали. Сидели, опустив головы. Не было сил встать. «Спасибо, товарищи, спасибо!» – прервал молчание Николай Николаевич Месяцев. Стали потихоньку расходиться.

Все началось наутро. Первым на студии я встретила одного из телевизионных инженеров, Героя Советского Союза. Он подошел ко мне, взял мою руку и сказал: «Вы не знаете,

что вы вчера сделали. Наш танковый корпус праздновал День Победы в гостинице «Советская». Собрались в 16 часов, вспомнили товарищей, выпили, хорошо поужинали. И вдруг на весь зал – позывные колокольчики. Танкисты встали. И 17 с половиной минут стояли, не шелохнувшись. Эти закаленные боями люди, не знавшие слез, плакали. От нашего танкового корпуса великое вам спасибо».

Оказывается, в тот час во многих театрах Москвы были прерваны спектакли. По стране у уличных репродукторов стояли толпы.

Останавливались автобусы и троллейбусы. Люди выходили и присоединялись к слушающим.

Почту понесли пачками. Мы читали взволнованные строки и понимали, что тронули сердца миллионов людей. Воздали должное тем, кого унесла война. Из всех писем, которые пришли на телевидение и радио, я до сего дня храню одно. Это простая желтенькая почтовая открытка. На ней размашисто – адрес: Москва, Центральное телевидение, «Минута молчания». А на обороте текст всего в два слова: «Спасибо, Мать». Это была самая высокая награда всем нам, кто сделал эту передачу.

С тех пор прошло много лет. Каждый год 9 мая по радио и телевидению в 18 часов 50 минут звучит ритуал памяти павших – «Минута молчания». За эти годы много перемен пришлось на долю этой передачи.

Уходили и приходили новые руководители страны и Гостелерадио. В бытность Л. Брежнева возникла даже тема «Малой земли», где, оказывается, наступил решающий перелом в войне. В 90-е годы удачно будут вводить новые нюансы, нивелируя напоминания о советском прошлом.

Менялись и дикторы. На смену Вере Енютиной придет голос Юрия Левитана. Но теперь уже исчезнет молитвенное звучание текста. Более удачным окажется до сих пор звучащий голос Игоря Кириллова. Он мягче, задушевнее и, может быть, торжественнее, как напоминание о великих жертвах и великой Победе. Но того молитвенного обращения Родины-матери уже, пожалуй, никогда не произойдет.

Тем важнее снова вспомнить тот первый авторский коллектив, который создал великую национальную программу-реквием: Николая Месяцева, Ирану Казакову, Наталью Левицкую, Веру Енютину, Светлану Володину.

Глава IV

Эфир ошибок не прощает

В 70—80-е годы программу все больше перегружали официальной государственной и партийной хроникой: переговоры, визиты, встречи, награждения, приветственные телеграммы по случаю каких-либо успехов. И, конечно, на первом плане генсеки, члены Политбюро, министры... Эту программу считали главной государственной телепередачей, и ее, как правило, смотрело все руководство.

Прекрасно понимало это и руководство Гостелерадио, его новый председатель Сергей Лапин и потому до самого начала вечернего эфира шел непрерывный прессинг со стороны руководства Гостелерадио, главного редактора службы новостей, выпускающих, режиссеров – доставалось всем. Нигде не было такой нервной обстановки, как в кабинете программы «Время». Но эфир жесток, он не прощает оплошностей. Поэтому накладки случались почти каждый день, а телевизионщиков все чаще мучили нервные срывы.

Ситуация усугублялась тем, что почти все наиболее важные события передавались в прямом эфире. А вожди наши дряхлели, и телевидение лишь подчеркивало это, что, на мой взгляд, все больше дискредитировало самих партийных и государственных «боссов». Сказать об этом прямо никто не решался.

Самые неприятные, порою анекдотичные случаи происходили с Леонидом Брежневым.

... Вот он приезжает на торжественную встречу в Алма-Ате. В программе пребывания несколько встреч. На первой же из них – самой важной – Леонид Ильич выходит на трибуну, неспешно, как всегда, вынимает из внутреннего кармана свою речь и, слегка откашлявшись, приступает к чтению. Однако уже к четвертой-пятой минуте становится ясно, что он произносит речь, заготовленную для другой аудитории. Наступает замешательство. Да и сам Брежнев почувствовал, что произносит нечто не то. К нему из президиума заседания быстро подбегает помощник и вручает другой текст. Проявив потрясающее хладнокровие, Леонид Ильич начинает произносить нужную речь с теми же первыми словами обращения: «Дорогие товарищи!».

Конечно, последовали потом разборки на высшем уровне. Заодно удалось установить, что в разных карманах Л. Брежнева лежали разные речи. Просто не в тот карман он полез. Пожурили и телевидение, хотя прямой эфир не позволял никаких иных вольностей. Тем более что трансляцию вели наши друзья – казахские телевизионщики.

Конечно, в вечернем повторе все было показано чистенько. Как будто ничего не случилось.

Другой пример – совсем уж интимного свойства. Леонид Ильич прибывает в Кишинев. На перроне – море цветов, встречают первые лица республики и три красавицы-молдаванки в расписных одеяниях и с хлебом-солью. Леонид Ильич обнимается, крепко целует каждую, а одну особо обнял и громко так сказал: «Ну, красавица, навести меня сегодня вечером...».

Эфир услышал, в стране услышали. А в республике острые на язык «хохмачи» в тот же день припомнили, как молодежавый Леонид Ильич, возглавлявший в прошлом Молдавию, был очень охоч до женского пола...

Самыми распространенными в Кремле церемониями были всякого рода награждения. У всех руководителей звездами и орденами грудь была украшена сполна. Больше всех, конечно, у Леонида Ильича, и эти церемонии он особо почитал.

Вот вернулся из космоса очередной экипаж космонавтов. На этот раз он был интернациональным, в команде был и польский космонавт.

Награждение и приветствие взял на себя наш генсек. Все торжественно обставлено. Рядом в шеренге – космонавты и высокие гости, включая польского посла.

...Пауза ожидания торжественной церемонии затягивается. Телекамеры уже все детали обстановки, приготовлений высветили. И вдруг раскрываются створки красивой двери дворца, и появляется Леонид Брежнев. Он семенит ногами. Буквально скользя по ковру, но почему-то идет не к гостям, а мимо – все по той же ковровой дорожке и доходит уже до следующей двери. Но там створки вовремя открываются, и двое офицеров в парадной форме бережно разворачивают Брежнева и деликатно под руки препровождают его в нужное место – на коврик перед микрофоном. На этот раз текст уже приготовлен на столике и Брежнев. С трудом произнося слова, справляется с приветственным словом. Далее идет прикалывание звезд Героя, объятия и мужские поцелуи...

Потом по программе – возвращение в Звездный городок. В автобусе – напряженная тишина. Всех не оставляет гнетущее состояние от увиденного на церемонии в Кремле. И тут в какой-то момент встает со своего кресла в автобусе Алексей Леонов и, имитируя шаркающее по ковру движение ног в Кремле генсека, вдруг обращается к награжденным, и особенно к польскому послу, с такими словами: «Ну как, ребята, наш лыжник вам понравился?». Хохот взорвал тишину и дальше уже весело докатили до Звездного.

А рассказал мне эту историю наш замечательный космонавт Климук, который участвовал в этом полете вместе с поляками.

Особые сложности стали возникать при трансляции выступлений Л. Брежнева, когда он уже плохо выговаривал отдельные слова и буквально «проглатывал» отдельные слоги. Наши виртуозы-монтажницы нашли и тут выход. По подсказке руководства редакции стали извлекать те самые слова и слоги из других уже записанных ранее речей Леонида Брежнева и совершенно блистательно вставлять их в свежие речи. Телезрители, да и руководство государственное даже не догадывались об этих наших телевизионных фокусах.

Чем-то совершенно необычным обернулись смерть и похороны Леонида Брежнева и телевизионный вариант прощания с генеральным секретарем. Было хорошо известно на телевидении, что Л. Брежнев очень доверял председателю Гостелерадио Сергею Георгиевичу Лапину. Доверял в политическом, телевизионном и даже в чисто человеческом плане. Леонид Ильич слыл большим спортивным болельщиком, болел за ЦСКА. Но на стадион трудно было выбираться, тогда он звонил Лапину и говорил: «Сергей, очень хочу посмотреть сегодняшний матч ЦСКА, а по телевидению ты не показываешь. Окажи любезность, организуй трансляцию...»

Сергей Лапин и сам был заядлым болельщиком ЦСКА. Ну уж если просит Л. Брежнев, надо сделать, приходилось срочно ломать программу телевизионного дня и спешно отправлять передвижные телевизионные станции на стадион.

Рассказываю об этом потому, что смерть Генерального секретаря для С. Лапина стала большой человеческой потерей. А тут еще так получилось, что за четыре дня до смерти, 6 ноября 1982 года, Леонид Ильич наградил Сергея Георгиевича звездой Героя Социалистического Труда.

Но вот что вышло в день смерти Л.И. Брежнева. С утра в Останкино вместе с каким-то высокопоставленным человеком в гражданской форме пожаловал Сергей Лапин. Он был очень хмур, а на лице – скорбь. В кабинете генерального директора программ собрались самые доверенные лица. Лапин сообщил о горестной вести, сообщил, что смерть произошла ближе к утру и теперь перед телевидением, прежде всего перед генеральной дирекцией программ, стоит невиданная задача. За короткое время надо тщательно отсмотреть, проанализировать все телепрограммы текущего дня и с учетом трагического события «почистить эфир», освободить от веселых развлекательных передач, от фильмов, репортажей, где могут возникнуть ненужные ассоциации.

Тут же было решено сформировать группу самых ответственных работников и немедленно приступить к оценке и отсмотру всех передач. Никому ни слова, из кабинета, где можно было на мониторах отсматривать любые программы, не выходить. Еду доставлять на рабочее место. По всем возникающим сомнительным моментам докладывать непосредственно С. Лапину.

Было также сказано, что день официально пока не объявляется траурным. Все откладывается на завтра.

Возник вопрос насчет концерта, посвященного Дню милиции. Он всегда напрямую показывался 10 ноября, и это был чуть ли не лучший концерт года. На этот вопрос человек в гражданской форме заметил, что концерт в Колонном зале уже отменен. Будут отменены и другие увеселительные мероприятия.

Конечно, трудно было не предположить, что по Москве быстро поползут слухи и тайну смерти Л. Брежнева не скрыть. Тем не менее телевизионный эфир был поставлен под жесткий контроль. Приняли и другое важное решение: с завтрашнего дня все программы телевидения выстраиваются заново, как и положено в день траура, – симфонические и камерные концерты, соответствующие теленовости, реакция за рубежом, траурные мероприятия по всей стране с показом по телевидению и т. п.

Самое главное решение: два канала ТВ, Первый и Второй, работают в одном режиме, синхронно, на одной картинке.

Кстати, с тех пор так и повелось: как только умирали генсеки, Первый и Второй каналы синхронно показывали одни и те же передачи в траурном обрамлении.

Сами похороны Леонида Брежнева обернулись неприятным сюрпризом для телевидения. Все было как обычно: траурные речи, звучавшие с Мавзолея Ленина слова прощания, процессия с гробом к могиле возле Кремлевской стены. Но когда гроб опускали в могилу, вдруг сорвались веревки у изголовья. С большим трудом справились с этим невероятным инцидентом.

Но всевидящее око телевидения зафиксировало и этот исторический траурный эпизод, который потом расценивали неожиданным образом. Самый распространенный слух, воцарившийся в стране, – быть великим переменам в стране?! Возможно, это в самом деле окажется великим предвестником скорых грядущих перемен. Но все-таки не таких скорых, как пытались предсказать тогда всякие звездочеты. Пока наступит переходный период – андроповский, затем очень странный и скоротечный – черненкоковский период и только потом – горбачевский, который многое буквально перевернул в стране.

Глава V

Через газету «Труд» – во властные структуры

Для телевидения того времени, да и всей прессы едва ли не главным встал вопрос об усилении не только пропагандистской, но и организаторской роли печати, усилении критического начала в работе печати. В значительной степени это было связано с приходом к власти после смерти Л. И. Брежнева Юрия Андропова.

Мне, к счастью, к этому времени было доверено возглавить самую массовую газету в стране, да и не только в стране, но и в мире, – газету «Труд». По своему главному предназначению она как центральный орган профсоюзов должна была защищать, отстаивать интересы трудящихся. И, пожалуй, именно в этой газете чаще всего появлялись острые критические публикации и велись крупные газетные кампании.

Но далеко не всем руководителям – и в правительстве, и в краях, республиках – нравились острые аналитические статьи.

Юрий Андропов в ту пору неоднократно высказывался в пользу критического анализа состояния дел в СССР, призывая телевидение, радио, газеты острее и более глубоко освещать глубинные процессы в обществе. Но после эпохи Л. Брежнева эти призывы трудно прививались на практике.

Умные, трезво мыслящие партийные руководители в краях и областях сознательно стремились поддерживать критический дух на телевидении и в своих газетах. Они понимали, что это мощный рычаг управления. Поэтому даже подсказывали редакциям, по каким проблемам, по каким персоналиям следует выступить с критическим анализом. Каждое утро они начинали рабочий день с чтения публикаций свежего номера «своей» газеты. Отмечали прежде всего критические материалы, а нередко вырезки таких публикаций сопровождали резолюциями с поручениями своим подчиненным «Разобраться и доложить!». Руководитель мог и по телефону позвонить редактору газеты, пригласить на беседу автора статьи.

Звонки, конечно, были разные, не всегда приятные для редакций. Но уж если власть поддерживала газетное выступление, это был праздник. Вообще забота о действенности СМИ была в те времена возведена на уровень государственной политики. И как страшно, неприятно сталкиваться ныне с полным равнодушием властей к публикациям в прессе, критическим теле-и радиопередачам. Порою такие сенсационные разоблачения видишь по телевидению, читаешь в прессе – и хоть бы хны! Думаешь всякий раз: если это неправда – надо гнать в три шеи авторов сенсаций, а если правда – почему власти безмолвствуют? Народ это видит и тоже становится равнодушнее как по отношению к властям, так и к прессе.

О равнодушии некоторых видных деятелей к критическим выступлениям ходили легенды. Естественно, как со знаком плюс, так и со знаком минус. Очень болезненно реагировали на критику в центральной прессе партийные вожди Кунаев в Казахстане и Рашидов в Узбекистане, влиятельнейший первый секретарь Краснодарского крайкома партии Медунов. И совсем нетерпим был к любому критическому слову всесильный министр МВД Щелоков. Доходило до идиотизма: даже крохотные критические заметки о милиции в центральных газетах приходилось согласовывать в самом министерстве. Редакторы газет знали об особых связях министра с генсеком Брежневым, «черным кардиналом» Черненко и откровенно побаивались Щелокова. Но ведь потом судьба этого человека, оказавшегося вне зоны критики, сложилась трагически. Так же, как и судьба первого зама председателя КГБ Цвигуна. Оба покончили самоубийством.

Образцом внимательного отношения к прессе считались тогда первый секретарь Томского обкома партии Егор Лигачев и первый секретарь Свердловского обкома партии Борис

Ельцин. О лидере Томской области было известно, что каждый номер областной газеты «Красное знамя» он прочитывал дотошно, с цветным карандашом в руке. Считал для себя принципиальным поддерживать ее публикации. Время от времени Лигачев появлялся и в редакции, встречался с журналистами и вел открытые беседы о материалах газеты. Иногда он устраивал в Томске акции всесоюзного масштаба. По инициативе Егора Лигачева на строительстве Томского нефтеперерабатывающего комбината прошла всесоюзная журналистская летучка. Пригласили на нее редакторов некоторых центральных, краевых, областных и даже многотиражных газет. Отбирали приглашенных по принципу: какое предприятие, область, край, республика прямо связаны с поставками оборудования, материалов и конструкций для строительства комбината, отсюда и звали журналистов. Надеялись, что они подключат через свои газеты местных поставщиков и ускорят сроки выполнения договорных обязательств. Да, в те времена редакции смело брали на себя организаторские функции. На этой летучке журналисты обменялись информацией, уточнили через организаторов ситуацию на стройке, графики выполнения работ и разъехались по своим территориям для оказания агитационной поддержки Томску. Кстати, в итоге комбинат пустили досрочно, и в этом была заслуга журналистов и Лигачева, который опирался на их поддержку.

В Свердловске Борис Ельцин предложил новую форму использования местного телевидения для открытого разговора с населением области. В прямом эфире свердловчане задавали своему лидеру самые разные, порою очень неожиданные и каверзные вопросы, а он на них терпеливо в течение нескольких часов отвечал. Какая-то часть вопросов все равно оставалась без ответов – не хватало времени. Но и на них жители области через обком партии получали исчерпывающие ответы. А самые интересные проблемы, возникавшие по ходу телевизионных диспутов, становились потом предметом обсуждения на бюро обкома и с исполнительной властью. Так устанавливалась с помощью тележурналистов прямая и обратная связь власти с народом.

Еще одно важное направление, которое настоятельно прививалось тогда обществу, – правильно формировать общественное мнение, общественное сознание, опираясь на честное, правдивое изложение фактов, событий. И, конечно, журналисты обязаны нести в общество высокие нравственные и духовные идеалы. В прессе 80-х годов все это было. Минимум пошлости и грязи, всякого рода чернухи. Тогда не показывали по телевидению бесконечную цепь убийств, насилия, бандитских разборок, откровенных постельных сцен. Запрещалось даже подробное смакование технологии разбойных ограблений и покушений на человеческую жизнь. Нам говорили: «Зачем вы показываете по телевидению, печатаете в газетах инструкции на тему, как обмануть, как ограбить, как изнасиловать... Побольше нравственных оценок и анализа того, что является источником зла, какие экономические, социальные и иные корни в обществе становятся первопричиной роста преступности, пьянства, наркомании и прочих негативных явлений. Искоренять надо дурные дела, а не их последствия». Правильно, между прочим, говорили, и как это стало сегодня актуально!

Еще один важный принцип – обращение СМИ к социальным болям общества, к фактам бедной, неустроенной жизни миллионов простых людей. Нерешенный жилищный вопрос, низкие заработки, несовершенство пенсионной системы, высокий травматизм на производстве, плохое медицинское обслуживание, бездомные дети, правовая незащищенность людей и многое другое постоянно находилось в центре журналистских исследований.

Конечно, журналистика, телевидение должны были информировать, просвещать и развлекать, но главным оставалось умение слышать чужую боль, горечи человеческие. А они, как правило, выплескивались через письма читателей, которые редакции получали мешками, и многие из них публиковались. По ним проводились расследования на местах, оказывалась материальная и юридическая поддержка людям. Это укрепляло доверие к прессе миллионов сограждан. Через письма обеспечивались и поиск новых тем, а главное – обрат-

ная связь с читателями. Народ в массе доверял своим газетам, журналам, телевидению и радио. Вот так создавался эффект народности прессы 80-х годов.

В этом смысле уникальный опыт работы накопила газета «Труд», которая в ту пору была самой популярной в мире. Мне посчастливилось руководить «Трудом» в течение пяти лет – с 1980 по 1985 год. Тираж газеты вырос за это время более чем на 8 миллионов и достиг рубежа 19 700 000 экземпляров. С этим тиражом газета попала в Книгу рекордов Гиннеса.

Помните, за год «Труд» получал свыше 630 тысяч писем, из них около 520 тысяч – «крики о помощи». Именно так мы в редакции называли читательскую почту, в которой содержались просьбы и жалобы по самым острым социальным проблемам. Эти письма тщательно анализировались. По существу, они определяли план редакции на самых острых направлениях.

Что больше всего волновало тогда людей, на какие «слои», тематические группы можно было разграничивать письма? Больше всего их приходило по вопросам заработной платы и премирования – примерно каждое седьмое письмо. Задержки выплат, ошибки в распределении премий, несправедливое присвоение разрядов, отказы от доплат в выходные дни... Причем по недостаткам в премировании почта увеличилась почти на 20 процентов.

Второй крупный слой почты «Труда» был связан с пенсионным обеспечением. Поднимались в основном «вечные» вопросы о порядке назначения пенсий. Например, на 22 % возросло тогда число запросов и жалоб по назначению пенсии колхозникам. Сказалось, прежде всего, слабое знание правовой основы.

Не уменьшалась почта и по трудовым спорам, неоправданным увольнениям, нарушениям режима труда и отдыха, правил техники безопасности. По-прежнему острым оставался жилищный вопрос. Известно, что строили мы в то время жилья больше всех в мире и что у нас была самая низкая квартирная плата. Но вот парадокс: число жалоб по жилищной проблеме не снижалось. В адрес «Труда» каждое восьмое письмо приходило на эту тему. Однако менялся характер писем. На первый план вышла практика распределения квартир, плохая эксплуатация жилищного фонда, а не просто недостаток жилья. Люди ждали и были уверены, что квартиры, причем бесплатно, получают. А вот когда они сталкивались с фактами дележеского распределения жилья, то справедливо возмущались.

Газета проверяла каждую такую жалобу, расследовала письма, публиковала не только подборки этих жалоб, но и сообщала о принятых мерах.

Вообще социальная проблематика была самой популярной в прессе. А защитная функция газет укрепляла доверие читателей к газетам, создавала эффект народного уважения и почитания.

В этом смысле опыт газеты «Труд» по природе своей, как главного издания профсоюзов, призванных защищать интересы людей, заслуживает особого разговора. Возникал вопрос: «От кого же защищать трудящихся?». В первую очередь от бюрократов, которые за горами бумаг не хотят видеть живого человека. От администратора-прагматика, в глазах которого человек лишь средство выполнения производственного плана. От тех, кто не умеет толково организовать труд людей, наконец, от тех хозяйственных руководителей, которые не заботятся о создании условий для безопасного труда, охраны здоровья людей на производстве.

Будучи главным редактором газеты «Труд», я договорился с руководством главного штаба ВЦСПС о совместных действиях. В газете были введены три боевые рубрики, которые мы использовали на протяжении нескольких лет: «Закон обязателен для всех», «Руководитель и коллектив», «Исключен по требованию профсоюзов». Сами названия рубрик красноречивы. Газета, выходявшая феноменальным тиражом и пользующаяся огромным влиянием в обществе, развернула мощную критику хозяйственных руководителей, причем нередко высокого ранга, за невнимание к нуждам людей, игнорирование их справедливых требова-

ний. Особенно жесткими были выступления газеты под рубрикой «Исключен по требованию профсоюзов». Речь в материалах шла о тех хозяйственниках, которые не заботились об охране труда на производстве, в результате чего возникали травмы, аварии, тяжелые заболевания людей. Персональные дела таких руководителей рассматривались на заседаниях республиканских, краевых и областных Советов профсоюзов. Иногда даже на заседаниях Президиума ВЦСПС. Суровой мерой наказания для них становилось исключение из членов профсоюза. Поначалу казалось: подумаешь – исключили? Но когда выяснилось, что начальник и его семья лишаются возможности пользоваться общественными фондами (оплата бюллетеней, льготные путевки в санатории и дома отдыха, бесплатные, по сути, путевки для детей в пионерлагеря и т. д.), стало ясно – наказание суровое. А прибавьте общественную огласку на всю страну – мало не покажется. Вскоре пошли даже жалобы от хозяйственных руководителей в ЦК КПСС и правительство на газету и председателя ВЦСПС Степана Шалаева по поводу «развязанной кампании по избиению руководящих кадров хозяйственников». Но позиция руководства профсоюзов и «Труда» была поддержана в высших инстанциях.

Мы исходили из того, что открытая, принципиальная критика, критика с позиций неперемогимого улучшения дела, исправления недостатков, тормозящих наше движение вперед, – один из ярчайших признаков морально-нравственного здоровья общества, его жизнестойкости.

Нередко «Труд» вел мощные многомесячные кампании по житейским проблемам, волновавшим большинство семей, например низкое качество цветных телевизоров.

Помнится, я сам шесть раз возил в ремонт свой огромный цветной «Рубин». В последний приезд решил использовать свое служебное удостоверение и зашел на прием к директору телеателье. В его кабинете стал свидетелем драматической сцены. Перед директором сидела плачущая старушка и причитала: «Я лишилась света в окошке, он у меня единственный и вот потеряла его на долгое время...» Я понял, речь идет о цветном телевизоре. Директор как мог успокаивал старушку, предлагал ей водички и даже валокордин. А потом позвал мастера и попросил разобраться с телевизором бабули. Когда она ушла, я представился, показал удостоверение главного редактора газеты «Труд» и рассказал о своих мытарствах с «Рубином». Вместе пошли и посмотрели мой телевизор. Мастер сказал, что вышла из строя какая-то пустяковая деталь стоимостью около семи рублей.

Тут же стали эту деталь искать. Опросили мастеров. Один, покопавшись в карманах, нашел то, что надо. А пока мой телевизор проходил оперативный ремонт, мы вернулись в кабинет директора. Он неожиданно выставил на стол аптечку, а рядом поставил ящик с какой-то картотекой. Заметив мой удивленный взгляд, признался: «Вот эта аптечка для стариков и старушек, которые тут бывают в глубоком расстройстве. Я их утешаю как могу. Что делать? Мы месяцами мы не получаем нужных деталей. А вот эта картотека как раз содержит перечень остродефицитных запчастей...»

В нашем разговоре выяснилось, что большинство цветных телевизоров, находящихся тут на ремонте, не исчерпали гарантийного срока. А тогда был такой порядок: покупателям вместе с телевизором давали книжечку с гарантийными талонами. После каждого ремонта один талончик отрывался. И так до седьмого талона, после чего покупатель имел право заменить свой телевизор на новый. Но покупатели и не догадывались, что примерно 90 % сходящих с конвейеров цветных телевизоров несли в себе какой-то брак. Поэтому, поменяв после семи заходов в телеателье телевизор на новый, покупатель приобретал такой же бракованный и снова маялся с ремонтом.

«Труд» начал газетную кампанию с показом всей цепочки муторной телевизионной вакханалии: заводской брак перекладывался на систему бытового обслуживания, которая должна была «лечить» или «долечивать» новенькие телевизоры, а вот «лекарств» (запасных

частей) остро доставало – в итоге самые большие муки испытывали владельцы телевизоров.

На наши выступления в течение нескольких месяцев откликнулось более 60 тысяч человек. Почта о плохом качестве цветных телевизоров вышла на первое место в отделе писем. Мы сделали обзоры этих писем, направив их в ЦК КПСС и Совет Министров СССР. В итоге было принято сначала решение Политбюро ЦК, а затем совместное постановление ЦК КПСС и Совмина. Этим документом не только даны были руководящие указания по улучшению качества цветных телевизоров, но и предусмотрено срочное строительство новых телевизорных заводов с заимствованной у японцев технологией.

Но вот когда эти телевизоры появятся, никто толком сказать не мог. Поэтому «Труд», а за ним и газета «Известия» продолжали критические выступления в адрес производителей и в защиту потребителя.

Однажды раздался грозный звонок от члена Политбюро ЦК КПСС Г. Романова. Ему доверено было курировать эту отрасль промышленности.

– Товарищ Кравченко, почему вы продолжаете «мочалить» телевизорную тему? – с нескрываемым раздражением спросил он. – Разве вам не известно постановление Политбюро?

Я ответил, что этот документ очень порадовал нас, ведь он принят по выступлениям газеты «Труд», но проблема еще долго не решится, а люди продолжают мучиться. Надо призвать телевизорных бракоделов к порядку...

– Бракоделов мы и без вас призовем, – жестко заметил Романов, – а вот дразнить людей прекращайте!

Аналогичный звонок, насколько я знаю, был сделан и главному редактору «Известий» Алексею. Пройдет еще несколько лет, и только тогда появятся известные телевизоры более высокого качества. Их станут выпускать в Воронеже, Минске и Львове.

Глава VI

Отчитываемся перед андроповым

Усилия газеты «Труд» по защите социальных интересов людей заинтересовали Юрия Владимировича Андропова. Особенно его привлекли некоторые публикации, посвященные развитию производственной демократии, самоуправления в трудовых коллективах. И вот неожиданно для меня на Секретариате ЦК, который вел сам Ю. Андропов, был поставлен отчет газеты «Труд».

Как обычно в таких условиях, были заготовлены критическая справка Отдела пропаганды ЦК КПСС, проект постановления ЦК, причем явно критические. Первые выступления от лица Отдела пропаганды ЦК, некоторых секретарей ЦК были традиционно критическими. Чувствовалось, что и газету они плохо знают.

Но вот дали слово мне, как главному редактору, и я прежде всего удивил сообщением, что «Труд» получает в год более 630 тысяч писем от читателей, из них более 520 тысяч – жалобы, «крики о помощи». Для работы с письмами мы только в одном отделе писем имели штат численностью 106 человек. Ежедневно работала юридическая приемная, где принимали население опытные юристы. По ряду их жалоб корреспонденты выезжали для расследования фактов на месте, и публиковались затем острые материалы в защиту тех, кто справедливо жаловался. Для редакции анализ писем, их оценка, были чутким барометром мыслей и настроения людей. Ведь газету «Труд» ежедневно читали примерно 60–65 млн. человек, поскольку ее ежедневный тираж был 19 млн. 670 тысяч экземпляров.

Мой краткий отчет перебил вопросом Юрий Андропов: «А вы можете нам сказать, что сегодня больше всего тревожит людей, вызывает у них негативное отношение к властям?».

Я рассказал, что на первом месте были и остаются жалобы людей по жилищной проблеме. Это примерно каждое восьмое письмо. Немало обращений в редакцию в связи с фактами несправедливого распределения квартир, низкого качества строительства жилья.

Каждое восьмое письмо приходит к нам по вопросам пенсионного обеспечения. Причем резко прибавилось число запросов и жалоб от колхозников. Здесь сказывались две причины – слабое знание правовой основы и проявления волокиты при назначении пенсий.

Каждое девятое критическое письмо – по вопросам организации труда заработной платы и премирования.

Примерно шесть процентов почты – по трудовым спорам, вопросам охраны труда и техники безопасности. Несколько сократилось число писем по нарушениям правил торговли, бытовому и медицинскому обслуживанию.

Обращает на себя внимание рост притока писем, в которых рабочие остро ставят вопросы об укреплении государственной и трудовой дисциплины, улучшении планирования, усилении спроса с тех, кто допускает бесхозяйственность и злоупотребление служебным положением.

Изучая почту, мы стремимся точнее учитывать интересы трудящихся, помогать им и советом, и делом.

На страницах «Труда» практически ежедневно появляются письма, готовятся обзоры, юридические консультации, предпринимаются командировки «по следам письма». Непосредственно в трудовых коллективах редакция проводит Дни открытого письма, которые имеют широкий общественный резонанс.

В ходе своего отчета я поставил также ряд вопросов, связанных с усилением действенности выступлений газеты и всей нашей прессы.

Неожиданным для меня был монолог секретаря ЦК Михаила Горбачева. Он дал настолько точные и профессиональные оценки, что я почувствовал, будто нахожусь на журналистской летучке, где ведется глубокий анализ содержания газеты. Мне показалось, что Михаил Горбачев даже сочувственно отнесся к моему отчету – тогда совсем молодого главного редактора.

Юрий Владимирович Андропов согласился с некоторыми критическими замечаниями, но поддержал умение газеты работать с письмами читателей, критически оценивать недостатки в социальной сфере. А потом неожиданно задал присутствующим вопрос: «А вы знаете, чем я не удовлетворен на этом заседании? А тем, что подготовленные документы к заседанию не ответили на главный вопрос: «В чем феномен самой популярной в мире газеты «Труд», которая с тиражом 19 млн. 670 тысяч экземпляров вошла в Книгу рекордов Гиннеса? Для себя вижу две причины. Газета чрезвычайно насыщена интереснейшей информацией о событиях в стране и мире. И второе – она авторитетный защитник социальных интересов людей. Посмотрите и сравните две цифры, которые имеются в моем распоряжении. Газета «Труд» получает в год более 630 тысяч писем. Причем их основной массив – критический. А вот наши профсоюзы – ВЦСПС и все отраслевые профсоюзы вместе получают в год только 43 тысячи писем. Сравните эти цифры, и вы поймете, кому люди больше доверяют».

Юрий Андропов, завершая заседание, попросил переделать проект постановления ЦК «О газете «Труд» и высказал мне важное поручение: начать на страницах газеты обстоятельный разговор о развитии производственного самоуправления, производственной демократии на крупных предприятиях страны. «Начните публиковать очерки о лучших предприятиях, покажите потом мне», – заключил Ю. Андропов.

Он также высказался относительно соблюдения трудовой дисциплины и трудового законодательства. «Нельзя прощать ни одного факта нарушения трудового законодательства, ущемления законных прав трудящихся», – заявил он. Но особое внимание сосредоточил на повышении роли трудовых коллективов, развитии самоуправления в производственной сфере.

Постановление ЦК «О газете «Труд» изучали во всех редакциях газет – от местных до центральных. Мне позднее позвонил сам Юрий Владимирович Андропов и попросил подготовить силами журналистов редакции серию очерков о трудовых коллективах, где уже налаживается производственное самоуправление, развивается производственная демократия. После появления первого же очерка о Калининском полиграфическом комбинате я был приглашен к Андропову. Он детально, по абзацам, проанализировал нашу публикацию. Его советы помогли в дальнейшем создать цикл очерков, которые вошли в книгу «Мы – хозяева производства». В этом названии была сформулирована вся соль развития демократии на производстве, чем позднее вплотную занялись Николай Рыжков и Михаил Горбачев.

Конечно, такое внимание Ю. Андропова вдохновляло коллектив редакции. И мы стали искать новые формы прямого диалога с нашими читателями.

Одной из таких новых, наиболее удачных форм работы оказались «Дни открытого письма». Приведу только один пример. Однажды на строительстве появились почтовые ящики «Труда», куда по просьбе редакции рабочие могли опускать свои письма, заявления, предложения по волнующим их вопросам. Через несколько дней журналисты проанализировали почту и определили, кого из руководителей соответствующих ведомств следует пригласить на «День открытого письма».

И вот в один из вечеров большой зал Дома культуры в рабочем поселке Десногорске заполнили сотни строителей атомной станции. Встречу вел член редколлегии газеты «Труд» Виталий Головачев. На письма отвечали руководители отраслевого министерства, местных партийных, хозяйственных и профсоюзных органов. Они давали обстоятельные

ответы и разъяснения по каждому письму, жалобе, предложению, в необходимых случаях обещали принять неотложные меры, учесть предложения. «Труд» опубликовал репортаж о «Дне открытого письма». Выступление газеты рассмотрели Министерство энергетики и электрификации СССР, Министерство связи РСФСР, бюро Смоленского обкома партии, местные советские и хозяйственные органы.

После «Дня открытого письма» за короткое время с помощью редакции на стройке и в поселке было решено много вопросов. Наведен порядок в учете и распределении жилой площади, установлены телефоны-автоматы, открыто второе почтовое отделение, налажена работа междугородного переговорного пункта, упорядочена торговля товарами повышенного спроса, усилен рабочий контроль в торговле и на предприятиях бытового обслуживания. Удалось улучшить обеспечение жильцов холодной водой и отладить работу лифтового хозяйства.

Глава VII

Перед возвращением на телевидение

...Наступил 1985 год, который вошел в историю как год начала крупной политической реформы в стране. Он стал переломным и в работе отечественной прессы, которая вступила в эпоху гласности, демократизации и перестройки. Назревавшие кардинальные перемены прямо и по заслугам связывают с именем Михаила Сергеевича Горбачева, которого на марттовском пленуме (1985 г.) ЦК КПСС утвердили Генеральным секретарем ЦК. Выбор этот был трудным. Уже позднее стало известно, что в борьбе за пост генсека столкнулись две группировки. На одной стороне стояли влиятельные старожилы В. Гришин, Г. Романов, М. Соломенцев. На другой – М. Горбачев, Е. Лигачев, Н. Рыжков и др. Решающим был голос, казалось бы, консервативного министра иностранных дел Андрея Громыко. Чаша весов качнулась в сторону молодого, амбициозного Михаила Горбачева. К этому времени все устали от проводов в последний путь больных и престарелых вождей Л. Брежнева, Ю. Андропова, К. Черненко.

В середине апреля я был приглашен сначала к секретарю ЦК КПСС Александру Яковлеву, а потом и к Горбачеву для неожиданного предложения. Мне напомнили, что у газеты «Труд» самый большой в мире тираж. «На самом деле самый великий тираж имеет советское телевидение, – сказал мне Горбачев. – Поэтому предлагаю переехать в Останкино, возглавить телевидение. Ты ведь там уже работал в прошлом. Будешь первым заместителем Председателя Гостелерадио СССР, а по сути руководителем телевидения. Как смотришь?»

Я, естественно, отказываться не стал. Ведь мне довелось в прошлом руководить Московским каналом ТВ, а затем быть первым заместителем генерального директора программ Центрального телевидения. Телевидение знал на зубок, сам делал в прошлом программы, фильмы, написал ряд статей о телевидении и даже издал собственную книгу «Тайны голубого экрана».

Итак, я согласился и стал ждать назначения.

Но меня в те дни мучили какие-то странные нехорошие предчувствия. Это было похоже на ожидание беды. Такое в «Труде» у меня случалось не единожды. Вспоминаю наши знаменитые устные «вторники «Труда», проходившие, как правило, в Колонном зале. Обычно мы приглашали в первой части вечера кого-то из известных людей, они рассказывали о себе, отвечали на вопросы из зала, а во второй части были прекрасные концерты.

Так вот, однажды мы проводили такой вечер с участием знаменитой Джуны Давиташвили – женщины, о которой ходили легенды. Она была замечательной массажисткой, но вскоре обнаружила в себе удивительные качества экстрасенса. Массаж могла делать, не прикасаясь даже к телу пациента. Легко снимала головные боли, довольно точно проводила диагностику больных органов и даже не без успеха лечила заболевания. В течение нескольких сеансов могла избавить алкоголиков от пристрастия к спиртному, наркоманов – от тяги к наркотикам. А уж внушить курящему, чтобы он навечно расстался с курением, ей было совсем просто. Все это неоднократно подтверждалось на опытах. Джуна обладала такой мощной энергетикой, что, когда к ее рукам подключали оголенные электропровода, амперметр фиксировал наличие в сети электрического заряда.

Она лечила многих знаменитостей и их сыновей, отучая пить и курить, употреблять наркотики. А попасть к ней на массаж казалось делом невероятным. Мы были знакомы с Джуной, она даже нарисовала мне на память картину («Пирамида Хеопса»).

Так вот на очередной «вторник «Труда» в Колонном зале и была приглашена в качестве главного «сенсационного» лица Джуна Давиташвили. Я в этот день возвращался из коман-

дивовки во Францию и заехал по пути из аэропорта в редакцию. На всякий случай позвонил в ЦК относительно вечера с участием в нем Джуны. Мне было приказано: «Джуну на сцену не выпускать. Вокруг нее создалась скандальная ситуация. Многие зарубежные посольства проявили к ней болезненный интерес. И на этот вечер попросили аккредитацию около ста послов».

Назревал скандал. Я позвонил в Колонный зал своему заместителю Геннадию Проценко и попросил его любыми способами увезти Джуну. Она впала в истерику, бросалась к телефонам, чтобы позвонить секретарям ЦК, председателю Госплана Байбакову, но телефоны мы успели отключить. Потом в истерике она бросилась домой. Ее сопровождали наш зав. отделом науки И. Меленевский и полковник госбезопасности, не первый день работавший с нею на правах помощника.

Дома Джуна, забежав в ванную, перерезала себе вену на руке. Но Меленевский и полковник успели влететь в ванную и убедить ее не делать глупостей. «Ну что же, – сказала она, – будь по-вашему». И проделала другой рукой массаж на кровоточащей вене, и через минуту не было ни крови, ни даже следов пореза.

Скандал, тем не менее, разразился нешуточный. О нем писали и в нашей, и в зарубежной прессе. Меня вызывали в ЦК для объяснения. По линии ВЦСПС я и Меленевский получили по строгому выговору.

Такое же дурное предчувствие было у меня еще раз, когда в газете «Труд» появилась публикация «Ровно в 4.10». В ней рассказывалось о полете нашего пассажирского самолета из Эстонии в Минск. В течение почти часа самолет сопровождали в полете какие-то НЛО. Это видели все члены экипажа самолета и пассажиры. С их слов мы рассказали в публикации об этих чудесах. И экипаж, и пассажиров затем собрали вместе секретные службы и каждого в отдельности «опрашивали». Все их рассказы были похожи как две капли воды. С миром всех отпустили. Но в эти недели во многих государствах мира статью «Ровно в 4.10» перепечатали огромное число газет. Ее пересказали с сенсационными комментариями крупнейшие теле- и радиокomпании зарубежных стран. По оценкам ТАСС, о содержании статьи в мире узнали более 2 миллиардов читателей и телезрителей.

Тем временем в Конгрессе США статью обсуждали на уровне секретных документов. Эксперты, ученые и военные специалисты пришли к выводу, что в статье фактически описывались события, очень напоминающие испытания лазерного оружия. Конгрессмены решили, что СССР примерно на 15 лет опередил США в создании современного лазерного оружия – некоего «гиперболоида инженера Гарина».

Конгресс принял резолюцию об ускорении аналогичных исследований и выделил на эти цели из военного бюджета дополнительно 45 миллионов долларов.

«Труд» опять оказался в эпицентре скандала. Выяснилось, что эту статью мы обязаны были завизировать в пяти различных ведомствах, в том числе военных. А завизировали только в трех.

За эту грубую ошибку я, мой первый зам и зав. отделом науки получили по строгому выговору.

А что же было? Ответа на этот вопрос нет до сих пор. В одной из телевизионных передач, показанной несколько лет назад, была предпринята попытка разгадать эту тайну. Среди участников передачи были крупные специалисты, в том числе ученые и конструкторы в области ракетостроения. Высказывались две гипотезы: либо это было испытание лазерного оружия, либо запуск новых баллистических ракет. Большинство поддержало вторую версию. Но в передаче прозвучали сенсационные сообщения. Все члены экипажа того несчастного самолета, который сопровождали НЛО, быстро заболели и странным образом в течение двух лет покинули наш бранный мир.

Повторяю, перед этими газетными происшествиями меня мучили дурные предчувствия. Такая же тяжесть лежала у меня на душе несколько недель в связи с приглашением перейти на телевидение. И снова сбылось это почти мистическое ожидание беды.

А было вот как.

8 мая 1985 года, вечером, в торжественной обстановке отмечалось 40-летие Победы над фашистской Германией. Докладчиком был новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев.

В опубликованной на следующий день в «Труде» на первой полосе фотопанораме на столе президиума торжественного собрания между Чебриковым и Терешковой оказалась отдельно лежащая... голова М.С. Горбачева! Неслыханно и невиданно! Длиннющий стол, чинно сидящие за ним руководители партии и правительства, на столе графин с водой и рядом с ним голова Генерального, который, кстати сказать, на той же фотографии стоит на трибуне и читает доклад.

Откуда взялась «вторая» голова генсека и как она оказалась на столе президиума – вопрос особый. Так сказать, фатальное стечение обстоятельств плюс элементарная невнимательность автора снимка, ретушеров, редакционных служб и, конечно, меня – главного редактора.

С раннего утра звонок по «кремлевскому» телефону тогдашнего зам. зав. Отделом пропаганды ЦК В. Севрука:

– Леонид Петрович (вместо обычного обращения «Леня»)! Вы (вместо обычного «ты») свою газету хотя бы время от времени читаете?

– Безусловно.

– Так что у вас там на столе лежит между Чебриковым и Терешковой?

– Графин.

– А рядом с ним?

Тут во мне разыгралась удаля. Я подумал: «Все равно ведь сегодня снимут с работы» и брякнул:

– Да это носовой платок лежит.

– Ну вот что, – грозно сказал Севрук. – Сегодня по этому поводу в 12.00 мы собираем в ЦК у товарища Зимянина всех главных редакторов, и мы вам скажем, что там у вас лежит на столе президиума.

Не успел повесить трубку, раздался звонок от секретаря ВЦСПС Л. Землянниковой:

– Как же так, Леонид Петрович? Ужасная ошибка. Сегодня в 12.00 по этому поводу собирается Президиум ВЦСПС. Извольте быть. Вы ведь еще и член Президиума.

Президиум назначен на то же время, что и совещание в ЦК. Куда пойти? «Товарищ Зимянин, вы уже знаете о страшной ошибке в газете «Труд». Меня для разбора ошибки пригласили на два заседания одновременно на 12 часов дня. К вам, Михаил Васильевич, и на Президиум ВЦСПС». Михаил Васильевич с облегчением вздохнул, чувствовалось, что он не хочет заниматься газетой профсоюзной по партийной линии, и сказал: «Идите на заседание ВЦСПС. Это же центральный орган профсоюзов». В отчаянии звоню в приемную Горбачева и прошу его помощника передать мои извинения Михаилу Сергеевичу, пытаюсь объяснить, что случилось все это, конечно же, не по злему умыслу, ошибка фоторепортера, то да се... Позже выяснится, что Горбачев высказался против моего увольнения, и об этом было немедленно сообщено в ВЦСПС.

Грозное начало обличительной речи председателя ВЦСПС С. Шалаева к концу неожиданно стало приобретать мажорные тона. Он вдруг заговорил о 19-миллионном тираже «Труда», о том, что «Труд» дает огромную прибыль, которой хватает, чтобы покрыть воровство в профсоюзах, что случившееся, конечно, заслуживает самого сурового наказания, но он предлагает ограничиться объявлением Кравченко строгого выговора.

Вот такая история. В тот же день помощник Горбачева рассказал мне, что генсек некоторое время в смятении разглядывал злополучную фотопанораму, а потом, рассмеявшись, попросил, чтобы Кравченко прислал ему на память десять экземпляров сенсационного номера с личным автографом.

– Ну надо же, не успел я проработать двух месяцев генсеком, как в «Труде» мне уже оторвали голову, – ехидно заметил Горбачев. Но тут же сказал, что Кравченко по партийной линии наказывать не надо. А вот что до этих злополучных номеров «Труда», то в дальнейшем на высоких встречах с важными гостями я буду показывать эти номера и говорить: «Вот какой у нас уровень демократии. В другой стране этого главного редактора немедленно прогнали бы со своего поста грязной метлой. А вот у нас он продолжает работать».

В течение следующих трех месяцев во всех редакциях газет и на телевидении проходили собрания, на которых рассматривался печальный опыт «Труда» и лично Кравченко. Позже я понял: была сделана отсрочка до моего назначения на пост первого заместителя Председателя Гостелерадио СССР.

Начиналась «вторая оттепель» после хрущевской. Теперь она уже войдет в историю как горбачевская.

Глава VIII

Сергей Лапин

С того злополучного мая, когда я прошел через «чистилище» в связи с ужасной ошибкой, следующие три месяца в редакциях газет, на телевидении и радио, на партийных собраниях обсуждали в подробностях «исторический прокол» в «Труде».

Михаил Сергеевич Горбачев выжидал время, пока «уляжется пыль», как он выразился в разговоре со мной. Но уже 4 августа 1991 года я был представлен на Коллегии Гостелерадио СССР в качестве первого заместителя председателя.

Короткий комментарий по этому поводу высказал председатель Гостелерадио Сергей Георгиевич Лапин: «Некоторые из сидящих в зале сегодня вспомнили, конечно, ошибку в «Труде». Но это не меняет сути дела. Я искренне рад возвращению на телевидение Леонида Петровича. Вы тоже его хорошо знаете. Так что в добрый час!».

Сергей Георгиевич крепко пожал мне руку и дружески похлопал по плечу.

На самом деле я нервничал и прекрасно понимал, что моему возвращению он вовсе не радуется. Как позже он признается, в моем назначении он увидел, что грядут большие перемены в Гостелерадио СССР, а сам он уже сходящая со сцены политическая фигура.

Для того чтобы сделать такой вывод, надо было хорошо знать Сергея Георгиевича. Это был, безусловно, человек сильной воли, твердых политических убеждений, огромной эрудиции. Имел огромный опыт международной политической деятельности, руководил ТАСС, был послом в Китае и Австрии, заместителем министра иностранных дел СССР, владел иностранными языками. К тому же последние 15 лет он возглавлял Гостелерадио, провел несколько крупных реформ на телевидении и радио, сумел мощно укрепить материально-техническую базу телевидения и радио. Это при нем бурное развитие получило космическое телевидение, создание стройной системы «Орбита», развитие радиорелейных линий. Опять же благодаря его международному опыту быстро удалось наладить сотрудничество со странами, входящими в систему Интервидения и Евровидения.

Весь этот многолетний опыт (15 лет – это целая эпоха) он последовательно реализовал через многие творческие начинания. Он высоко ценил музыку и литературу на телевидении. Был инициатором создания многих талантливых многосерийных художественных и документальных фильмов. Он был заядлым театралом, и на советском телевидении появились десятки знаменитых театральных и телевизионных фильмов.

И вместе с тем у него был тяжелый, капризный характер. Редко мог кто-либо переубедить Сергея Георгиевича, если он уже принял для себя однозначное решение.

В политике Лапин последовательно отстаивал партийные позиции и в этом плане, как правило, занимал консервативные позиции.

До прихода к руководству М. С. Горбачева Сергей Лапин имел твердую поддержку в высшем руководстве страны.

Вот что писал о Лапине известный журнал «Форбс» в начале 1986 года, когда Сергей Георгиевич покидал свой пост:

«В политическом отношении Лапин представляет собой абсолютно надежного члена партии, которого можно отнести к «сталинистам». В переговорах он был тверд, порой к нему трудно было подступиться. Он всегда был прекрасным профессионалом в своем деле, а, следовательно, и крупной фигурой, вызывающей к себе уважение своим блестящим знанием дела. Он умел быть язвительным и своенравным, даже грубым, а потом с присущим ему шармом вновь завоевывать симпатии собеседника. Безусловно, это человек, с которым подчиненным и партнерам в переговорах приходилось нелегко».

От себя добавлю еще, что это был человек с высоким художественным вкусом. Он, как магнитом, притягивал к себе людей одаренных, талантливых и не терпел пошлости, примитивизма, дурновкусия. Признаюсь, если бы он был жив и руководил современным телевидением, то 3/4 нынешних многосерийных фильмов и развлекательных программ никогда не появились бы на телеэкране. Но вот парадокс, он никогда бы не поддержал большинство тех новых телевизионных циклов программ, которые мне довелось вместе с моими коллегами создавать в годы горбачевской перестройки.

Позже, когда он уже ушел на пенсию, мы часто с ним виделись, поскольку жили в одном доме, общались, спорили. Но однажды Сергей Георгиевич сказал пророческую фразу: «Все то новое телевидение и современные СМИ, с таким энтузиазмом поддержавшие политику гласности и демократизации и стремящиеся порушить старое, отречься от советских идеалов, советского опыта, в конечном счете под руководством Горбачева приведут страну к полной разрухе». Потом он дружески похлопал меня по плечу и добавил: «К счастью, я уже не стану свидетелем этой разрухи – просто не доживу. А вот тебе не завидую: с твоим честным характером ты хлебнешь много горя...».

Многие из этих слов оказались пророческими.

...Но вернемся к 4 августа 1985 года. После представления меня Сергей Георгиевич позвал к себе в кабинет и организовал маленькие мужские посиделки. Оказывается, он на следующий день уходил в отпуск и решил воспользоваться двумя поводами: «обмыть» мою должность, а заодно свой отпуск.

Посидели вместе часок, и Сергей Георгиевич дал массу дельных советов. Я внимательно слушал его, а про себя, грешным делом, подумал: «Ну и хитер же ты, Сергей Георгиевич, по сути, бросаешь меня в огромную телевизионно-радийную топку, где в общей сложности работали в целом по стране 96 тысяч человек, 130 телерадиоцентров, 2 крупных предприятия, одно из которых, Останкинский телецентр, было крупнейшим в Европе. На нем трудились более 9000 человек. А еще в системе Гостелерадио имелось 4 крупных научных центра. Кроме телевидения и внутрисоюзного радио работала мощная структура – инновещание. Это двухтысячная армия творческих и технических сотрудников, обеспечивавшая круглосуточное вещание на 83 языках мира.

Вот такая махина легла сразу на мои плечи, ну что поделаешь: отпуск так отпуск! Я был в тот момент уверен, что Лапин не случайно сразу же бросил меня в «одиночное плавание». Мысли разные приходили, в том числе и такие: выдюжит – молодец, а если нет, – обнаружится ошибка высшего руководства, готовящего Кравченко на смену Лапину.

Почти уверен, именно так и полагал Сергей Лапин. Но я не подвел ни его, ни себя.

Каждый день по составленному заранее графику у меня проходили встречи с крупными творческими коллективами – главредакциями. Это были «мозговые атаки», выливавшиеся в трехчасовые открытые диспуты о настоящем и будущем телевидении. А главное, о том, что в нем немедленно надо изменить, какие новые циклы программ открыть, чтобы сменить «телевизионный» репертуар. В соответствии с духом времени и задуманной М.С. Горбачевым политической реформой гласности и демократизации.

На этих творческих встречах я предложил представить себе современное телевидение как бы с чистого листа.

Моим обещаниям тотального обновления программ мало кто верил тогда.

И тем не менее в ходе «мозговых атак» удалось предложить около 70 новых циклов программ. Самым принципиальным было решение перейти на открытое прямое вещание большинства общественно-политических передач. Это означало, что политическое вещание становится бесцензурным. Такое раньше и в дурном сне не могло присниться.

Начали с радикальных перемен в главной политической передаче «Время». Она отличалась славословием, пестрела цитатниками из разного рода приветственных телеграмм

и выступлений партийных вождей. В экономическом блоке постоянно звучали трескучие сообщения о производственных успехах, техника показывалась чаще, чем люди. Реального критического анализа положения дел в экономике просто не было.

Пришлось многое и быстро ломать. Мы при этом исходили из того, что программа «Время», как и все общественно-политическое вещание, должна ориентироваться на глубокий объективный анализ всех сторон нашей жизни. Публицистическое исследование фактов и явлений действительности должно вестись непременно заинтересованно, нешаблонно, если нужно – остро критически и бескомпромиссно, но при любых обстоятельствах оптимистично, конструктивно по духу и адекватно сути происходящего.

Я вообще уходил на телевидение со сложившимся представлением, что нужна смелая, острая, жесткая постановка вопросов, которая бы обеспечивала социальную защиту людей. А на телевидении что нашел?

Люди видели в нем средство развлечения, и никто не рассматривал ТВ как скорую социальную помощь, как средство защиты. Отчего? Да оттого, что на телевидении в то время не было серьезных передач с анализом экономических и социальных проблем, которые были бы рассчитаны на обеспечение защиты интересов различных социальных групп. Поэтому, когда в программе «Время» появились сюжеты такого свойства, это вызвало немедленный отклик телезрителей. Множество людей стали присылать свои письма с просьбами помочь, защитить, выехать на место, послать в командировку, снять какой-то сюжет. Это было приятно, это ожидалось.

Перестройка потребовала от тележурналистов страстной гражданской позиции, иначе злободневность и глубина темы могли оказаться обманчивыми. Что скрыто за поверхностностью факта, житейского случая, производственной ситуации, какие нравственные и социальные пружины определяют поступки людей? Как преодолеть инертность мышления? Пока, к сожалению, на телеэкране ощущалась поверхностная постановка этих проблем. Нужно было выйти на новый уровень телевизионной публицистики, разрабатывающей современную тему. Но вот беда: за долгие годы в сознании журналистов сложились устойчивые стереотипы, страх преодолеть внутренне выстроенный «забор» с трудом позволял определить, что можно и что нельзя, жесткая самоцензура сковывала творчество тележурналиста.

И вот когда в программе «Время» неожиданно для страны с первых минут появились острые социальные сюжеты из провинции о человеческих горестях: о неустроенности с жильем, низкой зарплате, плохом медицинском обслуживании, бюрократической волоките, несправедливом увольнении людей, административных злоупотреблениях зарвавшихся начальников – наступил даже какой-то шок. Спасибо Горбачеву, в этот момент он убедил и программу, и руководство телевидения от грубого давления сверху. Именно с непосредственным участием Горбачева в эти первые месяцы произошли серьезные эксперименты в программе «Время». Одно из первых его выступлений, с изложением собственного видения перестройки, демократизации в стране, прошло в Ленинграде. Причем все попытки договориться с Горбачевым о прямой трансляции его речи были безуспешны. И тогда мы пошли на опасный рискованный вариант. Всего лишь на одну камеру удалось записать выступление генсека, при этом звук речи писался прямо с камеры. Поэтому получилась как бы подпольная несанкционированная запись выступления на телевидении Горбачева. Оно было, без всякого преувеличения, ярким эмоциональным, остро критичным. По ходу речи была подвергнута критическому анализу и экономическая, и политическая, и международная политика прежнего руководства страны.

С огромным трудом нам удалось уговорить Михаила Сергеевича дать согласие на вечерний показ в полном объеме этого выступления. Показ в техническом плане был несовершенным, но по содержанию этот выход в эфир произвел колоссальное впечатление глубиной и откровенностью оценок, отсутствием всяких заготовленных текстов. Произошел

некий политический взрыв в обществе. А когда через неделю Горбачев выступил с еще одной такой яркой импровизированной речью в Минске и нам снова почти нелегально удалось показать ее в записи в рамках программы «Время», это был огромный успех уже обновленного ТВ.

Чуть позже вернувшийся из отпуска Сергей Георгиевич Лапин, оценив наш необычный эксперимент, лукаво посмотрев на меня, пошутил: «Леонид Петрович, не торопиться ли ты, мало ли какие кадровые перемены еще могут произойти... Как бы не пожалеть потом – так и партбилет потерять можно...».

Я успокоил его, признавшись, что сам очень перетрухнул. Но когда Горбачев одобрил, страсти улеглись. Но вот у меня возникли другие проблемы – куда посложнее. И рассказал Сергею Георгиевичу о своих «мозговых атаках» в главных редакциях. Вот, говорю, в моем блокноте набралось уже около 50 интересных предложений от тележурналистов. Предлагают очень интересные смелые проекты. «Может, рассмотрим на Коллегии Госкомитета?» – предложил я Лапину, листая свой пухлый блокнот.

Не глядя на меня, он положил перед собой чистый лист бумаги и стал на нем рисовать чертиков. Все знали об этой его привычке. Знали, что он всякий раз так делает, если сильно нервничает. Потом поднял на меня глаза и, в свою очередь, спросил: «Может, пока из этих 50 проектов хотя бы один протолкнем через Коллегию?».

Установилась тяжелая пауза, после чего, еще раз внимательно посмотрев на меня, он произнес: «Ладно, валяй! Судя по всему, твое время пришло. Думаю, что больше трех месяцев мне здесь поработать не дадут. Действуй, но без авантюры, и чаще советуйся!»

Глава IX

Живое телевидение – превыше всего

Вообще телевидение обладает рядом природных качеств, которые было бы глупо не использовать. Кроме того, что оно имеет всеохватный, всепроникающий взор, оно обладает большой доверительностью: люди, работающие на экране, особенно дикторы, ведущие, становятся для любой семьи близкими знакомыми, почти родными. По их глазам, по их настроению угадывают, что у них сегодня случилось, отчего они расстроились. Значит, телевидение входит в каждый дом, в каждую семью и рассчитывает на доверительное восприятие. Это все в природе ТВ заложено. Телевидение также требует сиюминутности восприятия: зрителю всегда хочется быть, присутствовать в момент свершения события.

Как раз эти замечательные природные качества игнорировались. Например, «живое» телевидение, с которого все вообще начиналось, отсутствовало. Я обнаружил, что только полпроцента от всего объема вещания идет в живом прямом эфире. Кроме некоторых спортивных передач, все шло в эфир в записи. Это было связано, конечно, с застойным периодом и боязнью смелых неожиданных высказываний.

Поэтому одно из принципиальных направлений моей работы заключалось в том, чтобы вернуть телевидению его суть. Большинство новых рубрик рассчитано было на живое, непосредственное вещание.

Социальная проблематика довольно быстро заполонила и многие общественно-политические передачи. Появились студия «Публицист», «Сельский час», «Резонанс», «Разговор по существу», «Родительская суббота», «Ускорение», «Это вы можете» и др. Популярная тема самодеятельного технического творчества, новаторского поиска, новых изобретений стала содержанием специальных циклов программ.

Перестройка на телевидении потребовала практически полного обновления форм и методов работы. Поскольку в течение только 1985–1986 годов объем прямых живых передач возрос более чем в 20 раз, возникла совершенно новая форма – дискуссии в прямом эфире по самым острым вопросам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.